

ПІТЕР КЕНЕЗ

Полная история Белого движения

Питер Кенез
Полная история
Белого движения
Серия «Русская история (Алгоритм)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66663650

*П. Кенез. Полная история Белого движения: ООО «Издательство
Родина»; Москва; 2021
ISBN 978-5-00180-200-6*

Аннотация

Американский историк Питер Кенез на основе архивных материалов и мемуаров лидеров Белого движения написал исследование о Гражданской войне в России, которое делится на две книги: о зарождении и расцвете Добровольческой армии (1917–1918 гг.) и о ее закате (1919–1920 гг.). Автор анализирует события на примере южной части России, где начиналась и где закончилась Гражданская война. Он дает объективную оценку одному из самых кровавых и трагичных периодов русской истории. Питер Кенез не только изобразил достоверную картину расцвета и заката белогвардейского движения по защите Родины от господства большевиков, немцев и анархистов, но и нарисовал яркие достоверные портреты лидеров Белого дела: генерала от инфантерии Михаила Алексева (1857–1918),

генерал-лейтенанта Антона Деникина (1872–1947), генерал-лейтенанта барона Петра Врангеля (1878–1928) и многих других русских полководцев со всеми достоинствами и недостатками их сложных характеров.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Книга первая. Подлинная история	6
Добровольческой армии 1917–1918	
Об авторе	6
Вступление	11
Dramatigue personnage: офицеры и казаки	17
1917 год	17
Армия и революция	28
Донские и кубанские казаки в 1917 году	64
Начало белого движения	77
Падение генерального штаба	83
главнокомандующих и заключенные	
Быхова	
Рождение Алексеевской организации	92
Дон и Октябрьская революция	97
Область Войска Донского в 1918 г.	99
Рождение Добровольческой армии	112
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Питер Кенез

Полная история

Белого движения

© Кенез П., 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

* * *

Книга первая. Подлинная история Добровольческой армии 1917–1918

Об авторе

Питер Кенез (родился 5 апреля 1937 года) – американский историк, специалист по истории России и Восточной Европы. Родился в Венгрии, где пережил Холокост. Получил докторскую степень по истории в Гарварде (научный руководитель – Ричард Пайпс). С 1966 года – профессор истории России в Калифорнийском университете в Санта-Крузе. Ведет курсы по советскому кино и междисциплинарный курс по Холокосту.

Питер Кенез на основе архивных материалов и мемуаров лидеров Белого движения написал исследование о Гражданской войне в России, которое делится на две книги: о зарождении и расцвете Добровольческой армии (1917–1918 гг.) и о ее закате (1919–1920 гг.). Автор анализирует события на примере южной части России, где начиналась и где закончилась Гражданская война. Он дает объективную оценку одному из самых кровавых и трагичных периодов русской истории.

Американского ученого интересует не только история

России столетней давности, когда появилось новое государство – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, а несколькими годами позже – Союз Советских Социалистических Республик, но и завершение 75-летней советской истории в 1991 году. Вот одно из его интервью американскому журналисту, данное в середине 2010-х годов.

Алекс Григорьев: Почему, по вашему мнению, распался СССР?

Питер Кенез: Я думаю, что всему виной его политическая организация, базирующаяся на принципах, которые – в данный конкретный исторический момент – были не способны работать. Люди – такие как Горбачев – утратили веру в принципы, на которых базировался Советский Союз, и поняли, что так жить нельзя. После этого пришло понимание, что необходимы изменения, но то, что эти перемены не приведут к задуманному, было неизвестно для инициаторов этих изменений. Эти прекрасные люди действительно верили в возможность существования «социализма с человеческим лицом». Однако будущее продемонстрировало, что самые замечательные идеи не всегда жизнеспособны.

Монархия в России обрушилась потому, что базировалась на принципах, за которые никто бы не стал воевать в начале XX века. Временное правительство свергли, потому что идеологией его членов был либерализм, который не подхо-

дил для управления такой страной, как Россия в 1917 году. И, таким же образом, Советский Союз базировался на принципах, не соответствующих концу XX века.

Алекс Григорьев: Президент России Владимир Путин как-то заявил, что распад СССР – крупнейшая катастрофа XX века. Что вы об этом думаете?

Питер Кенез: Безусловно, для миллионов русских было катастрофой оказаться за границей их собственной страны. Безусловно, в эпоху Ельцина в стране наблюдалась настоящая катастрофа со стандартами жизни. Безусловно, это была революция, а у революций имеются катастрофические последствия, какими бы необходимыми они не были в долгосрочной перспективе.

Но Путин не имел в виду возвращение Советского Союза, государства, основанного на тех самых устаревших принципах, и не подразумевал его восстановление тем или иным путем. Также как Хрущев, заявивший «Мы вас похороним!», не подразумевал, что он намерен убить всех – он декларировал, что советская политико-экономическая система самая передовая.

Но люди обычно верят в то, что говорят. Думаю, что Горбачев на самом деле верил в возможность построения «социализма с человеческим лицом». Однако представление, что КПСС может существовать в качестве одной из многих партий, было абсурдом – потому что это было государство с однопартийной системой, и оно бы оставалось таковым при лю-

бых обстоятельствах. Коммунистическая партия Советского Союза не было организацией, способной конкурировать с другими политическими организациями.

Несмотря на то, что идеология Горбачева была во многом привлекательной, это отнюдь не означает, что ее было возможно воплотить в жизнь. Идеи либералов из 1917 года также были очень симпатичными, но их было бы невозможно реализовать даже при благоприятных обстоятельствах.

Политическая система, на которой стоял Советский Союз, могла существовать – и она существовала много десятилетий, но она оказалась не подходящей миру, в котором появились компьютерные программы: она не могла конкурировать с Сингапуром и Южной Кореей.

Советский Союз распался, потому что он базировался на принципах, которые имели смысл в один исторический период, и утратили актуальность в другой исторический момент. Да, конечно, инвестиции в советский военно-промышленный комплекс – как рассказал Шеварднадзе – достигали 25 % бюджета, и экономика страны никак не могла себе этого позволить. Но не Рейган заставил Советский Союз принять участие в гонке вооружений, и это не Рейган добился его распада. Причины намного глубже. С Рейганом или без Рейгана, эти принципы утратили смысл.

Хрущев был последним, кто верил в эти принципы. И это сделало его трагической фигурой: он пытался делать то и это, но ничего не работало. А Брежнев уже ничего не пытался де-

лать. Советское Политбюро начала 1980-х годов было метафорой режима – эти люди просто должны были уйти. В рядах среднего класса – поддерживавшего Горбачева – вызрело убеждение, что так больше жить нельзя. Это было критически важно.

Алекс Григорьев: Почему в США не ожидали, что СССР распадется так быстро и таким образом?

Питер Кенез: Никто никогда ничего не может предсказать точно. Я побывал в СССР в середине 1980-х и пришел к выводу, что реформы Горбачева не приведут к успеху, но я даже не мог представить, что это станет концом режима. Ленин в январе 1917 года написал, что не доживет до революции в России. А ведь он был очень умный человек.

Питер Кенез является также автором книг на английском языке, изданными в США и не переведенными на русский язык: «История Советского Союза от начала до конца», «Кино и советское общество, 1917–1953», «Рождение пропагандистского государства: советские методы массовой мобилизации, 1917–1929», «Большевистская культура: эксперимент и порядок в русской революции», «Разновидности страха: рост евреев при нацизме и коммунизме», «Венгрия от нацистов до Советов: установление коммунистического режима в Венгрии, 1944–1948», «Пришествие Холокоста: от антисемитизма к геноциду».

Вступление

*Посвящается Дороти Джей Долби с
восхищением и любовью*

Самая лучшая американская книга о Гражданской войне «Русская революция» была написана Уильямом Генри Чемберлином (William Henry Chamberlin) и опубликована в 1935 году. Это произведение оставалось непревзойденным шедевром на эту тему на протяжении тридцати лет, доказывая, что Гражданской войне уделяли очень мало внимания за пределами Советского Союза, хотя этот предмет очень важен.

Советский Союз образовался в такой же степени в результате Гражданской войны, как и в результате революции 1917 года. Эти два события тесно связаны между собой, их нельзя рассматривать отдельно. В конце 1917 года очень немногие знали, кто такие большевики и чего они хотят, и даже сам Ленин и его последователи не имели четкого понятия о сущности будущей системы. Это было больше похоже на длинную и безжалостную войну, чем на заложение фундамента советского режима. Возможно, русский коммунизм развивался бы совсем по-другому, если бы не горькая реальность Гражданской войны, которая способствовала развитию некоторых тенденций, не имеющих ничего общего с

марксистской идеологией.

Если отложить в сторону исторические предпосылки Гражданской войны, то она также представляет собой интерес с точки зрения внутренних особенностей. Страна развалилась, и фактически в каждой деревне была своя гражданская война, зачастую не имеющая никакого отношения к идеологии красных и белых. Огромное количество разнообразных социалистических и консервативных идеологий, взаимно исключаящие националистические требования к людям, живущим на территории Российской империи, иностранная интервенция – все это повлияло на конечный результат. В этот период беспорядка политические учреждения пришли в полный упадок, ценности цивилизованного общества практически исчезли, и в некотором отношении страна распалась на части, из которых была создана раньше. Современная европейская история не может привести большего примера анархии и ее влияния на политику и поведение людей.

Сложность Гражданской войны, которая делает ее интереснейшим предметом, также создает трудности с точки зрения ее исторического изучения. Именно это и является причиной того, что эту тему игнорировали западные историки. Понимание Гражданской войны не может прийти, пока не будет проведено детальное изучение разных периодов. Необходимо уделить особое внимание всем или наиболее важным событиям во всех областях. Тщательное рассмотрение одной

части России, а затем сравнение с целой страной, возможно, будет наилучшим способом вникнуть во многие нюансы, и нам удастся свести проблемы Гражданской войны к простой формуле.

Южная Россия является прекрасным объектом для такого изучения, так как она является микрокосмом, на примере которого можно увидеть все болезни России, на территории которой происходили важные события. Именно здесь началась и закончилась Гражданская война, здесь белые понесли значительные потери в сражениях. Именно в этой области иностранная интервенция имела такое огромное значение, как нигде больше. И возможно, именно здесь, больше чем где-либо, антибольшевистское движение страдало от разногласий и самостоятельных требований национальных меньшинств.

Исход Гражданской войны в Южной России, как и в других областях, был определен сражением местных и национальных сил. Цель нашего исследования – проанализировать эти силы и их отношения между собой.

Главными актерами нашей драмы были офицеры царской армии, пришедшие на Дон и Кубань, чтобы взять в руки оружие и восстать против режима Ленина. Их выбор был по большей части случайным, все их мысли были сконцентрированы на Москве и Петрограде. Кто были эти офицеры, почему они решили сопротивляться советскому режиму, и как они представляли себе будущее России – это немаловажные

вопросы Гражданской войны.

Офицеры сформировали главный штаб антибольшевистского движения и в прямом и в переносном смысле. Они сыграли свою роль, хотя их было очень мало, они захватили военное и политическое лидерство, стали тем ядром, вокруг которого антисоветские группировки могли объединиться. Хотя сами по себе они были беспомощны. Не важно, какими бы героями ни были эти несколько тысяч мужчин, большевики разбили бы их без лишних сложностей. К лету 1918 года большинство Белой армии состояло из казаков. Казаки мало заботились об остальной России, для них Гражданская война была войной с неказацкими крестьянами. Между офицерами и казаками общие интересы существовали лишь частично, поэтому две стороны никогда до конца не понимали друг друга. Факт разногласий в белом лагере является ключом к пониманию Гражданской войны.

Роль союзников мы рассмотрим только для того, чтобы понять генезис Добровольческой армии. Иностранная интервенция – это единственный аспект Гражданской войны, которому как западные, так и советские историки уделили достаточно внимания. Причины этого понятны: они хотели преподнести историю большевиков как победу не только над внутренними врагами, но также и над «мировым империализмом». Оценивая в разное время немцев, французов, англичан и американцев как реальную силу, стоящую за Белым движением, они хотели решить политические задачи,

что, конечно, не имеет ничего общего с поиском исторической правды. А интерес западных историков к участию своих соотечественников в чужой Гражданской войне тоже легко понять. Таким образом, рассматривая сложную ситуацию только с одной точки зрения, западные историки поступили очень неразумно – у обычного читателя могло создаться впечатление, что война развернулась между русскими и нерусскими. Такой вывод, безусловно, неверный.

Начинать обсуждение – очень сложная задача. Очевидно, события на юге происходили в национальном и даже международном контексте. Добровольческая армия оказала огромное влияние на ход Гражданской войны на Украине и в Крыму, и, чтобы оценить это влияние, необходимо тщательное изучение некоторых событий. Так же, чтобы составить мнение о выступлении белых, нужно иметь представление о стратегии и подготовке Красной армии.

Эта книга посвящена первому году Гражданской войны, периоду ее начальной стадии, рассмотрения альтернатив, импровизаций и больших разочарований. Конец войны в Европе изменил характер сражений в России. Иностранные союзники получили доступ к портам Черного моря и смогли влиять на характер военных операций. Но, что наиболее важно, взгляды участников тоже изменились. Не только европейцы, но и белые считали большевиков немецкими агентами и расценивали войну в России как продолжение мировой. Теперь Добровольческая армия должна была пересмотреть

свои *raison d'être*¹.

Поражение Германии повлекло за собой вывод ее войск с оккупированных русских территорий. Масштабы войны изменялись. Добровольческая армия росла, зона военных действий расширялась, но самое значительное качественное изменение произошло в конце 1918 года.

¹ Разумное основание, смысл (фр.).

Dramatique personnage: офицеры и казаки

1917 год

Русская революция в феврале 1917 года началась внезапно, как и подобает великим революциям. Неорганизованная толпа, разозленная лишениями, которые ей пришлось переносить из-за войны, с удивительной легкостью сбросила династию Романовых, правившую на протяжении трехсот лет. Правительство пало практически без сопротивления, так как оказалось изолированным от общественности и не могло ни успокоить, ни подавить оппозицию, которая, не опасаясь, открыто заявляла о полной некомпетентности правящей верхушки. Николай II, последний царь, не мог, да и не хотел решительных перемен. Последнее русское императорское правительство определенно не отвечало требованиям момента и точно было не в состоянии справиться с проблемами, вызванными войной.

Революцию, которую уже давно ждали, хотя, может, и не в такой форме, встретили с большим энтузиазмом и оптимизмом. Народ верил, что это поможет навести порядок, что все болезни страны исчезнут как по волшебству, как только самодержавие будет свергнуто. Русские даже перенесли часть

своего энтузиазма на войну, казалось, немцы не могут противостоять народу, сражающемуся за свободу своей страны. В течение короткого периода вся страна наслаждалась хоть и не истинным объединением, то, по крайней мере, его зарождением.

Враги самодержавия, состоящие из либералов, сидящих в Думе, и социалистов, действующих большей частью в подполье, унаследовали власть и авторитет. В своих взглядах на демократию либералы и социалисты имели много общего, и это служило хорошим предзнаменованием. На какое-то время они получили полный контроль над ситуацией. Монархические законы были отменены, так как царизм рухнул, и все оказалось в полном беспорядке, без ясной политической программы. Также появились левоэкстремистские партии, представляющие большую опасность. В то время в России сторонники большевиков не имели большинства.

27 ФЕВРАЛЯ

ЛІТКА 1917

Императорская Дума 4-го созыва не подчинилась приказам царя разойтись и избрала Исполнительный комитет, который, в свою очередь, получил название Временное правительство. В сложившейся революционной ситуации такое правительство являлось представителем народа и незамедлительно стало считаться преемником прежнего режима как дома, так и за границей. В новом правительстве доминировали представители Конституционно-демократической партии (кадеты), придерживающиеся умеренных и либеральных взглядов в политике, поддерживающие принципы конституционной формы правления на негостеприимной русской почве. Партия кадетов гордилась поддержкой большинства российских квалифицированных специалистов, буржуазии и некоторых дворян, свободных от предрассудков. Главной фигурой партии являлся не Г. Е. Львов, всегда державшийся в тени, а министр иностранных дел П. Н. Милюков, известный кадетский лидер, историк и публицист. Правительство также поддерживали октябристы, партия демократических реформ, взявшая в качестве названия дату издания царского манифеста (17 октября 1905 г.), который ограничил власть самодержавия. Член этой партии А. И. Гучков, предприниматель и бывший председатель Думы, являлся единоличным лидером октябристов.

Таким образом, Временное правительство не было безоговорочным хозяином положения. Даже до его создания су-

уществовали Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Он был образован очень быстро и являлся наследием революции 1905 года, в которой ведущие роли принадлежали рабочим, крестьянам и солдатам. Хотя Совет в столице и был самым важным, вскоре образовались другие Советы по всей стране, на заводах, в деревнях и в воинских частях. Они создавались преимущественно социалистами, представителями интеллигенции, борющимися за права рабочих и крестьян. Самой крупной партией в Совете была партия социалистов-революционеров, опиравшаяся на крестьянские массы. Социально-демократическая партия делилась на два крыла: на умеренных меньшевиков и радикальных большевиков. Петроградский Совет и Временное правительство взаимодействовали через А. Ф. Керенского, занимавшего пост министра юстиции.

Вскоре стало очевидно, что такая ситуация недопустима, умеренные, социалисты и либералы не могли управлять страной как эффективное правительство. Они провалились не потому, что совершили много ошибок (которые, без сомнения, имели место быть), не потому, что были плохими политиками (хотя некоторые из них, может, и были), а потому, что их философия была неуместна в России в 1917 году. Возможно, они смогли бы управлять страной, если бы не война, но в этом случае царя могли и вовсе не свергнуть. То, что привело умеренных к победе, также и явилось причиной их поражения: неразрешимые проблемы страны, вовлечен-

ной в современную войну.

Система, при которой Временное правительство разделило власть с Советом, получила название – двоевластие. Хотя это не совсем правильно, так как Временное правительство несло всю ответственность, в то время как реальная власть была в руках лидеров Совета, которые могли наложить вето на любой закон, предложенный Временным правительством. Это объяснялось тем, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов всегда мог призвать на помощь рабочих и солдат для того, чтобы продемонстрировать свою силу. Таким образом, Временное правительство обладало несравнимо меньшим влиянием и поэтому зависело от политиков-социалистов. А социалисты, в свою очередь, тоже относились к этой власти неоднозначно. С одной стороны, они были довольны ею, а с другой – боялись ответственности. Так как ситуация усугублялась, солдаты и рабочие стали мыслить более радикально, то лидеры Совета были вынуждены принять наиболее радикальную программу, чтобы не потерять своих многочисленных сторонников. Радикализм Совета сделал работу Временного правительства невозможной, и социалисты, сделав неправильные выводы, взяли управление страной в свои руки.

Из всех проблем, что волновали общественность, таких как земельная реформа и какое правительство должно быть в России, самой важной была война. Патриотический энтузиазм, возникший после Февральской революции, оказался

недолгим. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, устали сражаться: война длилась уже в течение трех лет без видимых результатов, принося им страдания ради великих целей, которые они смутно понимали. Концепция российских национальных интересов была понятна лишь Временному правительству, средним и высшим классам и интеллигенции, которые считали, что Россия должна оставаться верной своим союзникам. Политики понимали глубину недовольства войной так же плохо, как и царское правительство – настроение народа.

История периода Временного правительства была историей серии кризисов и растущего напряжения. Правительство теряло контроль, анархия распространялась на все сферы национальной жизни, и вскоре стало очевидно, что национальное единение после Февральской революции оказалось просто иллюзией.

Первые беспорядки произошли в мае, когда демонстранты вышли на улицы Петрограда, выступая против политики Милюкова за продолжение войны до победы. Петроградский Совет, поддерживающий демонстрацию, требовал отставки не только Милюкова, но и Гучкова. Новое правительство, где Керенский стал военным и морским министром, включало несколько социалистов и выступало за продолжение войны.

Второй всплеск недовольств был вызван ошибкой Керенского, который одобрил решение Генерального штаба об июльском наступлении. Желание Керенского активных

военных действий было частично мотивировано уверенностью, что военные победы остановят процесс распада. Но провал наступления российской армии, который можно было предугадать, привел к демонстрациям и уличным беспорядкам не только в Петрограде, но и по всей стране. На этот раз правительство смогло использовать представившуюся возможность, заключив в тюрьму нескольких видных большевиков, замеченных в июльских событиях.

21 июля Керенский стал министром-председателем Временного правительства. Он созвал (8–10 августа) в Москве совещание, в котором участвовали все крупные партии правого толка. Но усилия достичь объединения не увенчались успехом из-за мятежа Корнилова, пытавшегося сместить Временное правительство и разрушить систему Советов. Керенский смог помешать своему главнокомандующему, лишь прибегнув к помощи Советов. Правительству удалось победить сначала левых, затем правых, но достигло оно этого ценой потери их поддержки. Правительство стало таким слабым, что, когда большевики недвусмысленно заявили о своем намерении захватить власть в октябре, оно ничего не смогло предпринять против них. Временное правительство исчезло, так же как и царское несколько месяцев до этого.

Было очевидно, что либеральный и демократический режимы провалились, они не смогли справиться с многочисленными проблемами России. Таким образом, зародились силы, которые должны были сражаться в трехлетней войне.

Причины роста правых и левых тесно взаимосвязаны. Большевики собрали последователей, подчеркивая опасность военной контрреволюции и обвиняя правительство в неспособности препятствовать ей. Военные, с одной стороны, оправдывали свой мятеж, упрекая большевиков в предательстве во времена войны, во влиянии большевиков на Советы и на Временное правительство.

До возвращения Ленина из Швейцарии в апреле маленькая группа большевиков в Петрограде не очень отличалась от марксистских коллег, меньшевиков. Наоборот, некоторые большевики искали возможность преодолеть трещину, появившуюся в 1903 году. В первые недели большевики не были против Временного правительства, потому что, как и меньшевики, верили, что Россия еще не созрела для социалистической революции, и не могли предложить другую альтернативу тому, что наблюдали как буржуазный режим. Когда Ленин предложил новую радикальную программу, он пережил тяжелое время, убеждая своих последователей в правильности своего решения.

Сущность ленинского понимания политической ситуации была в том, что революция могла и должна была стать «глубокой», и тогда бы не существовало никаких компромиссов с буржуазией. Это значило, что большевики должны бороться с системой двойной власти и выступать за то, чтобы вся власть принадлежала Советам. Взгляды Ленина могли быть ошибочны с точки зрения марксистской идеологии, но он

больше думал о власти, чем о чистоте доктрины. Когда Ленин убедил своих последователей в том, что целью партии должна быть власть, большевики все еще были в меньшинстве не только в стране, но и в Советах. Поэтому взять власть можно было, только приобретая новых последователей и союзников. Привлекая солдат и крестьян на свою сторону, он пообещал им то, чего они хотели: землю и мир. Без колебаний Ленин адаптировал аграрную платформу партии социалистов-революционеров, которую он, как и большинство марксистов, называл раньше буржуазной, так как она признавала личную собственность у крестьян. В прошлом большевики продвигали идею национализации, а не раздачу земель. Летом 1917 года насильственный захват помещичьих земель крестьянами стал происходить все чаще и чаще, большевики поддерживали крестьян и приветствовали распространение анархии.

Открытое порицание Лениным войны было политически весьма выгодным. Недовольство затянувшейся войной становилось все сильнее, и большевики были единственными выступавшими за немедленное ее прекращение. Для Ленина уже не было обратного хода. С 1914 года он пропагандировал превращение империалистической войны в гражданскую. Он считал себя сторонником мировой революции. Без колебаний он принял помощь Германии, которая способствовала его возвращению из эмиграции, а также оказала

финансовую поддержку его партии².

Ему казалось, что временные интересы Германской империи и вечные чаяния мирового пролетариата будут улажены новой революцией в России. Он думал, что события в России станут началом цепной реакции революций по всему миру, поэтому немецкое содействие не имело для него большого значения.

Этот аспект тактики Ленина определил взгляд его оппонентов на большевизм. Для многих россиян сотрудничество с врагом в годы войны выглядело государственной изменой. В 1917 году³, в первый год Гражданской войны, антибольшевистское движение было склонно смотреть на большевиков не как на утопистов и социалистов-мечтателей, а как на купленных немецких агентов. Для них война с немцами на фронте и борьба с большевиками в городах России были одним и тем же делом.

Энергичные действия правительства против большевиков, последовавшие за июльскими днями, моментально ослабили большевистских последователей. После провала Корниловского мятежа им удалось в первое время перема-

² Мнение, что Германия оказала финансовую поддержку большевикам, всегда было спорным. Ленин всегда отрицал это, и советские историки никогда не противоречили Ленину. Сегодня, после открытия архивов при немецком министерстве иностранных дел, без сомнений понятно, что фактически большевиков поддерживали враги их страны.

³ Согласно отечественной историографии Гражданская война началась в 1918 г., закончилась в 1920 г. (*Прим. ред.*)

нить на свою сторону решающее большинство в Московском и Петроградском Советах. С этого времени распад Временного правительства стал вопросом времени. 25 октября Ленин, в конце концов, достиг своей цели.

Армия и революция

Анархия распространялась, и опасность, что шатающееся Временное правительство рухнет, росла. Зародилась правая оппозиция, организованная офицерами⁴.

Те же самые люди, которые хотели уничтожить Советы и свергнуть Временное правительство в 1917 году, оказались единственными, кто был способен организовать Добровольческую армию и возглавить антибольшевистское сопротивление в Южной России во время Гражданской войны. Для них события 25 октября не были переломным моментом, они этого ожидали, и для них это стало всего лишь пово-

⁴ Трудно найти достоверные факты, чтобы описать антибольшевистскую сторону Гражданской войны. Офицеры часто называли себя контрреволюционерами, но в современном мире это слово носит негативную окраску. Также продолжают-ся споры, логично ли вообще употреблять этот термин. Для советских историков это не проблема. Согласно их интерпретации, настоящая революция произошла в октябре 1917 г., и все те, кто был против нее, – контрреволюционеры по определению. С другой стороны, если революция произошла в феврале, то все враги политического режима, рожденного этой революцией, как офицеры, так и большевики, должны называться контрреволюционерами. Чтобы избежать сложностей, мы будем прибегать к определениям «белые» и «красные», которые стали использоваться обеими сторонами уже в самом начале Гражданской войны.

дом сменить тактику в продолжающейся войне. Особые черты русского офицерского корпуса, неожиданные обстоятельства начального периода войны оставили свой отпечаток на всей Гражданской войне.

Когда офицеры оказались в окопах Первой мировой войны, русская армия существовала по военным законам 1874 года, которые составляли важнейшую часть Великих реформ правления Александра II. Реформы ввели воинскую обязанность для всех, несмотря на социальный статус.

Внедрение принципов универсальной военной службы было большим шагом на пути к созданию современного общества в России, что являлось необходимым для обороноспособности страны. Но закон о всеобщей воинской повинности сам по себе не мог сделать русскую армию такой же эффективной, как европейские. Эта реформа была частичной, так как демократические принципы законопроекта не были реализованы всецело. Мужчины из высших слоев общества могли найти множество путей, чтобы избежать службы в армии, а если все-таки и служить, то очень недолгое время. Главной причиной слабости армии была отсталость самой России. У крестьян не было опыта обращения с современной техникой, несколько заводов не могли производить достаточно военного оборудования, а транспортная система страны не обеспечивала военные перевозки.

Офицер русской императорской армии. Начало XX в.

Русская аристократия XIX века не демонстрировала такой же заинтересованности в военной карьере, как немецкая или французская; карьера в армии и жизнь в высшем обществе не была одинаковой в глазах общественности, и офицеры не пользовались авторитетом. Также они получали настолько маленькое жалованье, что Деникин называл их «интеллигентным пролетариатом». Низкий уровень жизни, небольшие привилегии и антивоенные настроения интеллигенции сделали призыв в армию таким сложным, что там никогда не было достаточно офицеров. Согласно британскому военному атташе в России, сэру Альфреду Ноксу, в январе 1910 года было 5123 свободной командной вакансии. Ситуация немного улучшилась в годы, предшествующие войне, но в июле 1914 года недокомплект оценивался в 3 тысячи человек.

Вечная нехватка офицеров давала возможность мужчинам из непривилегированных сословий подняться вверх и, служа в русской армии, обрести социальную стабильность. Армия также привлекала сыновей солдат, которые тоже могли дослужиться до высоких чинов. Сословная разношерстность офицерского корпуса была очевидна. Наблюдатели часто удивляются тому, что главные основатели Добровольческой армии – генералы М. В. Алексеев, Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин – происходили из бедных семей. Но в этом нет

ничего удивительного, если вспомнить, что при царе служили десятки других людей с похожим происхождением. Факт, что лидеры Белого движения не были аристократами, мог иметь огромное значение для Гражданской войны. Корнилов и Деникин могли воззвать к крестьянам, делая упор на свое происхождение⁵.

То, что это не удалось и позволило большевикам представить их как представителей класса эксплуататоров, было очень весомым первым политическим промахом Белого движения.

Те офицеры, что происходили из бедных семей, вскоре переставали иметь что-либо общее с обычными невежественными крестьянами, из которых состояла армия. Как командиры, они должны были обучать солдат, но это обучение было очень поверхностным во времена царской России. Устройство армии способствовало тому, что простые люди и офицеры жили как будто в разных мирах. Офицеры и солдатская масса искусственно разделялись. Офицеры часто унижали своих подчиненных, которые, в свою очередь, питали ненависть к ним, что и вылилось в восстание 1917 года.

Пока армия обладала высокой мобильностью, было бы преувеличением говорить, что социальные особенности и связи были не важны для быстрого успеха. Императорскую

⁵ Корнилов сделал несколько таких попыток. Так, в обращении к русскому народу 27 августа он написал: «Я, генерал Корнилов, сын казацкого крестьянина, объявляю для всех и каждого, что я ничего не хочу для себя, кроме сохранения великой России».

гвардию, например, берегли для того, чтобы дать жизнь новому поколению аристократии. Служба в гвардии была более приятной, чем в армейских частях, и карьера гвардейца продвигалась гораздо быстрее. Понятно, что некоторых это возмущало. Враждебность между гвардией и армейскими офицерами была настолько сильна, что пережила даже революцию 1917 года. В антибольшевистской армии Деникина гвардейцы все так же продолжали получать привилегии, что порождало ненависть и зависть армейских офицеров.

Николаевская академия Генерального штаба давала высшее военное образование в России. Академия была основана, как и многие военные учреждения в России, по немецкому образцу. Только лучшие офицеры, после нескольких лет службы в полку, могли поступить в эту академию. Ежегодно из 150 выпускников только 50 лучших получали назначение в Генеральный штаб, а остальные отправлялись в свои полки. Практически все главнокомандующие русской армией во времена мировой войны и Добровольческой армией были выпускниками Академии Генерального штаба. Эти выпускники поддерживали кастовый дух и берегли важные командные посты для следующих выпускников. Безусловно, офицеры Генерального штаба были наиболее талантливыми в русской армии, тем не менее, другие офицеры завидовали их быстрому продвижению по службе. Так как многие высокие посты были заняты офицерами из Генерального штаба или гвардии, армейские офицеры чувствовали себя обделен-

ными.

Помимо военных предметов, в училищах Академии Генерального штаба изучали множество других дисциплин, в том числе историю и литературу. Строгий режим того времени прилагал огромные усилия, чтобы предотвратить распространение антиправительственных идей в военных организациях, иногда это доходило до абсурда. Например, в юнкерских училищах современная русская литература не преподавалась, так как ее идеи считались идеологически опасными.

Несмотря на тот факт, что в военных учебных заведениях училась молодежь из тех же социальных слоев, что и в других образовательных учреждениях, и изучали они примерно те же предметы, атмосфера в них была иной. В то время термин «интеллигенция» не был синонимом радикализма, но, тем не менее, интерес среди студентов к социальным и политическим проблемам был очень высок, и революционная и антимонархическая агитация играла в студенческой жизни важную роль. Конечно, для этой агитации не было места в военной среде.

Было бы неправильно утверждать, что офицерам прививался дух легитимизма или правой идеологии: они были политически пассивны. Деникин, проницательный и сочувствующий наблюдатель, писал:

«Эти молодые люди [офицеры] пытались преодолеть все

мировые проблемы, но делали это очень простым способом. С незапамятных времен они усвоили базовые вещи... Система ценностей для офицеров была предопределена как непоколебимый факт, не вызывающий ни сомнений, ни разногласий. «За веру, царя и отечество». Часто это превращалось в анекдоты, часто правдивые, но не ставящие под угрозу саму идею. Отечество воспринималось с пылкостью и страстностью, как единый организм, включающий в себя страну и людей, без анализа, знания его жизни, без копания в темных глубинах его интересов... Молодых офицеров едва ли интересовали социальные вопросы, которые они считали чем-то странным и скучным. В жизни они их просто не замечали; в книгах страницы, касающиеся социальных прав, с раздражением переворачивались, воспринимались как нечто, мешающее развитию сюжета... Хотя, в общем, и читали они не много».

Разногласия между офицерским корпусом и радикальной и либеральной интеллигенцией, которые продолжались десятилетиями, усугубились во время войны и революции, нанося вред всем сторонам, а также были нерациональными и абсолютно ненужными. Это явилось результатом не столько различной идеологии и целей, так как офицеров мало интересовала политика, а скорее результатом предубеждений и недопонимания. Интеллигенция, хорошо знакомая с западноевропейской историей, провела неправильную парал-

лель между русскими и европейскими офицерами. Так как немецкие и французские офицеры часто бывали политически активны, интеллигенция относилась к пассивным русским офицерам с недоверием. Военные люди не выносили этого и оплачивали тем же. Офицеры, недолголюбивая интеллигенцию, неодобрительно относились к политике вообще. Недостаток элементарного понимания политических проблем и недоверие к политикам – вот что характеризует каждое действие руководства Белого движения во время Гражданской войны. Результат оказался пугающим.

Два месяца спустя после начала войны, в октябре 1914 года, русская армия насчитывала 2 миллиона 711 тысяч солдат и 38 тысяч офицеров. К маю 1917 года их число возросло до 7 292 600 солдат и 133 тысячи офицеров. Потери армии были гигантские: согласно оценке генерала Н. Н. Головина, количество захваченных в плен, раненых и убитых было 7 миллионов 917 тысяч; из них 107 тысяч офицеров. Из этих данных видно, что состав армии и офицерского корпуса сильно изменился во время войны. В кампаниях 1914 и 1915 годов большая часть офицеров выбыла из строя: весной 1915 года только одна треть офицеров из кадровой армии служила в пехоте. Офицеры запаса и солдаты, в основном образованные, прошедшие ускоренное обучение, пополнили офицерский корпус, осуществив необходимую замену убитых и раненых. Запасные офицеры получили неполную подготовку перед войной, одного года действительной службы было до-

статочно для того, чтобы стать офицером.

Новые офицеры в огромной мере впитали в себя дух офицерского корпуса. Генералы, задающие тон, происходили из кадровых командиров. Но большой наплыв новых людей внес эмоциональные изменения в настроение офицерского корпуса. Эти люди были ближе к образованному обществу и обладали иным командным духом. Когда генералы влезли в политическую авантюру в период Временного правительства, новые офицеры не изъявили большого желания последовать за ними. Лидеры антибольшевистской армии во время Гражданской войны пожинали плоды офицерского разочарования: немногие, ставшие офицерами после 1914 года, хотели воевать под началом Алексеева и Корнилова. Возможно, одним объяснением этого нежелания является недостаток единства и сплоченности офицерского корпуса, появившийся в ходе войны и после революции.

Очень сложно оценить качество военной подготовки русских офицеров по итогам действий армии в мировой войне. Когда русская армия встретилась с немецкой, такой же по численности, она потерпела поражение. Очевидно, что качество командования являлось только одним фактором, и точно не самым главным, повлиявшим на исход сражения. Недостаток оружия, невысокая подготовка русских солдат (которые часто не могли справиться с элементарными машинами) и огромные проблемы материально-технического обеспечения помешали бы любому гениальному тактику

справиться с немецкой армией.

Офицеры из Верховного командования приняли Февральскую революцию с неожиданным хладнокровием. Генерал М. В. Алексеев⁶, начальник штаба Верховного главнокомандующего (1915–1917), помог убедить своего монарха отречься от престола.

Главкомандующие пятью фронтами – великий князь Николай Николаевич, генералы А. Е. Эверт, В. В. Сахаров, Н. В. Рузский и А. А. Брусилов – поддержали Алексеева.

⁶ Михаил Васильевич Алексеев, сын сверхсрочнослужащего солдата, родился в 1857 г. После окончания офицерской школы был назначен младшим офицером в 1876 г. и получил первый боевой опыт в Турецкой кампании в 1877–1878 гг. Алексеев сдал экзамены и поступил в Академию Генерального штаба только в 1893 г., но вскоре смог отличиться и в 1896 г. стал преподавать в этом престижном учреждении. Во времена Русско-японской войны служил начальником (хозяйственного) снабжения 3-й дивизии. После окончания войны вернулся в академию в качестве профессора военной истории. С началом мировой войны стал начальником штаба Н. И. Иванова, главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Иванов, добрый и скромный, практически полностью попал под влияние энергичного начальника штаба. Когда 5 сентября 1915 г. сам царь занял пост главнокомандующего, то выбрал Алексеева начальником своего штаба. Николай, не имеющий никакого военного опыта, конечно, не мог руководить невероятно сложно устроенной армией из нескольких миллионов человек, и вся непосредственная ответственность легла на плечи Алексеева. Алексеев не был готов к такому сложному делу. Он понял, что теоретических военных знаний не хватает для того, чтобы руководить огромной армией, и что политические аспекты иногда бывают гораздо важнее военных. Сын бедного солдата оказался чужаком в высших кругах, но, находясь на таком посту, Алексеев доказал сам себе, что является человеком незаурядного ума, что его советы царю часто выходили за пределы чисто военных вопросов. Также Алексеев пытался нейтрализовать влияние Распутина.

Генерал А. Г. Корнилов⁷, назначенный, одним из последних указов царя, командующим Петроградским военным округом, продемонстрировал мало преданности императорской семье: наделенный большой властью, именно он произвел арест царицы.

Единство Верховного командования в решении отказаться от противостояния было серьезным: только генерал граф Келлер и хан Нахичеванский, два командующих корпусами,

⁷ Лавр Георгиевич Корнилов родился в Усть-Каменогорске в 1870 г. В его венах текло немного казахской крови, что и повлияло на некоторые черты его характера. Он всегда гордился своими восточными корнями, и Восток действительно сыграл в его жизни важную роль. Его отец был казаком, дослужившимся до звания офицера, но его жалование было настолько мало, что ему пришлось оставить службу и работать в местной администрации, чтобы прокормить свою большую семью. Лавр Георгиевич закончил офицерскую школу и служил в Туркестане перед тем, как поступить в Академию Генерального штаба в 1885 г. Позже он вернулся на Восток и принял участие в нескольких разведывательных экспедициях: летом 1899 г. он исследовал область китайского Туркестана и некоторые провинции Персии. С 1907 по 1911 г. Корнилов служил военным атташе в Китае, а в разгар мировой войны он командовал частью в 8-й дивизии Брусилова. Корнилов обладал необычной смелостью, которая вдохновляла его солдат, и харизмой, но был очень непокорный. Вскоре после начала войны, 10 сентября 1914 г., не подчинившись приказу, он не отступил, и его непослушание поставило под угрозу всю 8-ю дивизию. Три месяца спустя, без разрешения и предварительного плана, он провел вылазку, в результате которой потерял пленными 2 тысячи человек. Весной 1915 г., опять не подчинившись приказу, Корнилов не отвел войска и был ранен и захвачен в плен. Осенью 1916 г. он заслужил народное признание, так как стал первым русским генералом, сбежавшим из вражеского плена. Удачная попытка побега сделала его одним из героев войны: его принял император и наградил его орденом Святого Георгия 3-й степени. 15 марта 1917 г., на сессии Думы, Родзянко назначил Корнилова командующим Петроградским военным округом. Одним из последних деяний царя было одобрение этого назначения.

предложили своим войскам подавить революцию. После победы революции генерал Келлер предпочел уйти в отставку, а не присягать Временному правительству.

Несмотря на известные монархические настроения, офицеры приняли революцию. И сделали они это не из-за республиканских убеждений. Попытка подавить революцию ради непопулярной императорской семьи противоречила их понятию патриотизма, так как они верили, что гражданская война, которая была бы неизбежна, уничтожила бы способность России противостоять внешним врагам. Они пожертвовали царем, чтобы продолжать войну.

Если бы царь решил продолжать борьбу, то, возможно, нашлось бы много офицеров, поддержавших его, даже если бы противостояние было неизбежным. Но царь принял новый режим спокойнее. После отречения от престола он обратился к своим войскам так:

«Выполняйте свой долг, защищайте наше великое Отечество, подчиняйтесь своему командованию, слушайте Временное правительство. Помните, что пренебрежение дисциплиной играет на руку нашим врагам».

Несмотря на быстрое принятие офицерами революционных изменений, перспективы удачного сотрудничества между ними и новым режимом сначала были очень туманными. Недолголюбивая офицеров, социалистические лидеры Со-

ветов, имеющие большое влияние на Временное правительство, рассматривали саму революцию как достояние. «Революционные демократы», так они сами себя называли, верили в две вещи: в продолжение войны и в гениальную социальную и политическую революцию. Они хотели преобразовать армию, следуя демократическим принципам. И в этом преобразовании они надеялись найти лекарство от всех болезней армии, которые становились все более и более очевидными. Они наивно полагали, что русские солдаты, став свободными, будут воевать лучше. С другой стороны, офицеры сразу забыли, что дезорганизация армии была и до начала войны, и обвинили в этом новый режим. Каждое проявление несостоятельности армии они воспринимали как доказательство губительного влияния новых реформ. Каждый, кто воспринимал свержение монархии как необходимую цену за успешное продолжение войны, почувствовал себя обманутым. Так как состояние армии ухудшалось, отношения между офицерами и представителями нового режима усугублялись взаимными обвинениями. За день до отречения Николая, 14 марта, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов издал приказ № 1. Хотя приказ относился только к петроградским гарнизонам, его непосредственное влияние ощутила на себе вся армия. Приказ объявил, что в политических выступлениях воинские части подчиняются не офицерам, а Советам, в армии отменяются сословные титулы офицеров, вводится выборность командиров, солдатам

предоставляются гражданские политические права, в ротах, полках создаются солдатские комитеты. Он позволял солдатам подчиняться приказам Военной комиссии Государственной думы, только если они не противоречат приказам Петроградского Совета (Временное правительство в то время еще не было сформировано).

Из всех проектов Петроградского Совета этот был самым сомнительным. Троцкий назвал его «единственным достойным документом Февральской революции», в то время как офицеры считали, что публикация этого приказа будет способствовать разрушению армии. Значение этого документа все же преувеличено. Без сомнения, весь он пронизан духом неприязни к офицерам. И во время революционных событий в Петрограде офицеры просто-напросто потеряли контроль над своими солдатами и не могли восстановить авторитет. Никто не мог этого сделать за них.

Приказ № 1 был только первым шагом изменения порядка в армии, за ним вскоре последовали другие. 28 марта обнародована Декларация о правах солдат, заканчивающаяся следующим: офицеры потеряли право иметь денщика, а право муштровать ограничено, в то время как солдатам было разрешено носить гражданскую одежду вне дежурства и получать почту и литературу без цензуры.

Следующий шаг по демократизации армии был принят Временным правительством, которое учредило комиссию под начальством бывшего военного министра ге-

герала А. А. Поливанова, чтобы определить ход дальнейших реформ. Комиссия утвердила большинство реформ, предложенных Советом. Чтобы легче провести их в жизнь, правительство устроило чистку Верховного командования: за несколько недель 150 офицеров оправились в отставку. Чистка имела сомнительные результаты: министерство уволило неспособных и тех, кто не желал сотрудничать с новым правительством, но в то же время Ставка (штаб главнокомандующего) и командующие фронтами провели свои чистки. Часто генералы и полковники увольнялись за то, что имели дружеские отношения с солдатскими комитетами, и Ставка считала их подхалимами. Нужно признать, что состав офицерского корпуса после чистки остался практически таким же, как и был до этого.

В поисках панацеи серьезные изменения произошли и в Верховном командовании. До того как царь отрекся от престола, Верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич, но, так как революция в Петрограде приняла радикальный поворот, стало очевидно, что ему невозможно оставаться на своем прежнем посту. При сложившихся обстоятельствах премьер-министр Львов попросил Алексеева взять на себя эти обязанности, которые и так фактически он и выполнял. Алексеев согласился без энтузиазма: у него было плохо со здоровьем, он оценивал ситуацию реально и был настроен пессимистично. Временное прави-

тельство назначило генерала А. И. Деникина⁸ начальником штаба, что сильно оскорбило Алексеева, так как решение приняли, не посоветовавшись с ним.

Несмотря на такое невпечатляющее начало, Алексеев и Деникин понравились друг другу и хорошо сработались. Деникин желал лишь одного: чтобы Верховный главнокомандующий чувствовал всю ответственность за своих подчиненных.

Корнилов считал свое назначение командующим Петроградским военным округом катастрофой. Ему пришлось управлять самыми дезорганизованными, недисциплинированными войсками в русской армии, где Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов имел больший авторитет, чем он. Вскоре у него произошел конфликт с одним из

⁸ Антон Иванович Деникин родился во Влоцлавеке, в польской провинции, в 1872 г. Его отец, Иван Ефимович, родился крепостным и сдан своим хозяином в рекруты в возрасте 27 лет. Остаток своей жизни он провел в армии, где научился читать, писать, а со временем стал офицером. Хотя он провел 43 года в Польше и женился на полячке, говорившей лишь на ломаном русском, Иван Ефимович так и не выучил польский. Молодой Антон Иванович страстно отождествлял себя с отцом, с православием, с русской национальностью, и во времена Гражданской войны он стал одним из самых бескомпромиссных защитников единства России, не сочувствуя националистическим порывам малых народов. Антон Иванович поступил в военное училище в 1890 г. и в Академию Генерального штаба в 1895 г. Он участвовал в войне с Японией и к началу мировой войны был генералом, служившим в 8-й дивизии Брусилова. Он стал командиром Железной бригады, одной из лучших подразделений в русской армии, развернутой потом в Железную дивизию. Деникин проявил себя как отличный офицер и командир, хотя его должность не требовала принимать стратегических решений для многочисленных армий.

лидеров Совета, и он потерял его доверие. Когда в начале мая демонстранты требовали отставки Милюкова, Корнилов хотел разогнать толпу при помощи своих солдат, но Совет отменил его приказ. После этого инцидента Корнилов не захотел оставаться в Петрограде и попросил А. И. Гучкова, военного министра, перевести его. Корнилов покинул столицу с горькими воспоминаниями и твердым убеждением, что только радикальными методами можно избавиться от того, что он называл анархией. Алексеев только что освободил генерала Н. В. Рузского, командующего Северным фронтом, от его обязанностей за «подхалимство», которое он объяснил желанием Рузского тесно сотрудничать с комитетами и комиссарами. Гучков хотел, чтобы Корнилов занял место Рузского, но Алексеев был так категорически против этого назначения, что даже угрожал отставкой. Так как Алексеев знал Корнилова лишь поверхностно, его несогласие не могло носить личный характер, он просто думал, что более молодой и менее опытный генерал не будет хорошим командующим. Без сомнения, этот инцидент сделал дальнейшее сотрудничество двух генералов очень сложным. Корнилов, будучи очень тщеславным человеком, не смог забыть этого. Он принял командование 8-й дивизией, чей командир, генерал Каледин, был уволен генералом Брусиловым, главнокомандующим Юго-Западным фронтом, за то, что отрицал демократизацию.

В начале июня Временное правительство отправило в от-

ставку Алексеева, поставив на его место генерала Брусилова, который был более всех других генералов оптимистично настроен касательно боеспособности революционной армии. Но ни реформы правительства, ни частые изменения руководящего состава не могли задержать процесс развала армии. Дисциплина ухудшалась, и порой доходило до того, что приказы не выполнялись вообще, а количество дезертиров росло невероятно.

Плохо спланированное наступление, начавшееся 2 июля, стало важной вехой для русской армии. На активные действия частично вдохновила идея, что победа поднимет боевой дух армии. Наступление провалилось по двум причинам: из-за плохого планирования операции, но в основном из-за того, что русские солдаты отказались наступать. После незначительных успехов благодаря численному превосходству войскам вскоре пришлось отступить, и отступление это было стремительным. Временное правительство проиграло. Вместо того чтобы устранить дезорганизацию армии, новое наступление лишь усилило ее.

Отношения между солдатами и офицерами усугублялись. Старая ненависть слуг к господам, крестьян к помещикам вылилась и на офицерство. Ни Советы, ни Временное правительство не агитировали солдат против командования; ненависть не нуждалась в этом. С первых дней революции солдаты не повиновались, а иногда и убивали своих офицеров, таких случаев становилось все больше и больше. Солдаты –

крестьяне в форме — видели в своих начальниках уменьшенные копии эксплуататоров, сторонников ужасной войны, препятствие революции, которая должна принести избавление от страданий. Офицеров воспринимали как контрреволюционеров даже до того, как они стали отрицать цели и задачи революции. При таких обстоятельствах большевикам не стоило труда убедить солдат в том, что их командиры хотят возрождения монархии.

Как офицеры могли бороться с этим? Как они могли защитить себя? Чтобы обвинить невежество крестьян, неспособность царя управлять войной, которая принесла столько горечи и страдания России, требовалось четкое понимание сложной политической ситуации и почти святое мученическое принятие несправедливой ненависти солдат. Вместо этого офицеры возложили ответственность за все свои проблемы на Временное правительство и Советы.

Это было нечестно, так как «революционные демократы» были заинтересованы в сохранении армии. Это правда, что идея социализма не сработала, и только идеалисты с абсолютным непониманием армии и войны могли думать, что это сработает. Эти люди хотели заслужить доверие солдат, удовлетворив некоторые их требования. Но сказать, что такие методы были непрактичны, не то же самое, что сказать, будто у офицеров было лучшее решение. Насильственный метод, используемый офицерами с самого начала, был таким же нереальным, как и выполнение требований солдат. Так

как если бы офицерам удалось заставить солдат выполнять приказы с самого начала, то Февральская революция не случилась бы. Заблуждения и метания офицерства стали более понятны благодаря делу Корнилова: когда насилие дает такой же маленький результат, как и социалистическая агитация, когда некоторые офицеры последовали за ним, но этого оказалось недостаточно.

Для социалистов революция была настолько важна, насколько была важна победа в войне. Но для двух этих целей нужно было предпринять разные шаги, а социалисты не могли определить приоритеты. Офицеры не понимали дилемму социалистов, для них все, что противоречило интересам войны, считалось предательством. С их точки зрения, позиция большевиков имела столько же смысла, сколько и позиция Керенского. Брусилов писал:

«Я могу понять отношение большевиков, когда они говорят «конец войне», «мир сразу и за любую цену», но я не понимаю тактику социалистов-революционеров и меньшевиков, которые, с одной стороны, хотят уничтожить армию, так как боятся угрозы контрреволюции, что говорит об их непонимании менталитета войск, а с другой – хотят удачного исхода войны».

Сходство во взглядах офицеров и большевиков стало тем фактом, что многие офицеры императорской армии, среди

них генерал Брусилов, считали приемлемым присоединиться к Красной армии во время Гражданской войны. После Октябрьской революции многие офицеры стали относиться к большевизму как к угрозе будущему России и в результате присоединились к Белому движению; но, даже сражаясь с армией Ленина, у некоторых из них не развилась ненависть к Ленину и его товарищам. И когда генерал Алексеев написал Брюсу Локкарту весной 1918 года, что он скорее будет сотрудничать с Лениным, чем с Савинковым и Керенским, это не было просто словами.

В революционной обстановке 1917 года было совершенно естественно, что офицеры решили создать свою группу давления; они оказались медлительнее всех остальных группировок из-за того, что действия Совета походили на методы «революционной демократии». Необходимость согласованности действий становилась все более и более очевидной. Она вылилась в национальную офицерскую организацию, что впоследствии превратилось в постоянный институт. Казаки, георгиевские кавалеры и пленные, сбежавшие из вражеских лагерей, также входили в эту группу. Во времена мятежа Корнилова все эти организации его поддерживали, позднее они все сыграли большую роль в формировании Добровольческой армии.

В 1917 году офицеры еще не стали контрреволюционерами, так как не хотели полного возвращения к самодержавию, они лишь отрицали порядок, рожденный революцией. При-

мером их стали генералы, которые твердо и бескомпромиссно противостояли Временному правительству. Деникин, будущий лидер Белого движения, первый заслужил уважение политиков правительства благодаря своим стремительным действиям. В мае Деникин стал главнокомандующим Западным фронтом, в июле – Юго-Западным. В этой должности он участвовал в совещании в Ставке всех главнокомандующих 19 июля при Керенском. Длинная речь Деникина обо всех изменениях, произошедших в армии в марте, была, возможно, самой смелой и агрессивной. Он хотел отменить основные наказания, которые были введены, не иметь дела с комиссарами, вернуть былую власть офицерам и запретить в армии политическую деятельность. Корнилов, который не смог присутствовать на этой встрече, позднее написал Деникину: «Я прочитал доклад, который вы сделали для Ставки 19 июля, с глубоким и искренним удовлетворением. Я поддерживаю этот доклад обеими руками. Я снимаю перед вами шляпу и восхищаюсь вашей твердостью и смелостью. Я твердо верю, что с помощью Всевышнего мы удачно справимся с задачей перестройки нашей дорогой армии и возвращения ее былой мощи».

Генерал Корнилов – вот кто стал великим героем разочарованных офицеров. Его взлет был невероятно стремительным: он командовал 8-й дивизией в течение месяца, он возглавлял Южный фронт только десять дней и уже 19 июля заменил генерала Брусилова и стал Верховным главнокоман-

дующим русской армией. В свете дальнейших событий поддержка, которую он получал от политиков, кажется феноменом: сначала Гучков, затем Керенский поддерживали генерала, несмотря на протест профессиональных военных. Генералы утверждали, что, даже если Корнилов обладает военным талантом, в чем они сомневались, у него никогда не будет возможности проявить себя.

Главным сторонником назначения Корнилова на высокий пост был Керенский. Он осознал, что дезорганизация армии, ставшая результатом неудачных наступлений, требует немедленных действий. 19 июля на встрече Ставки ничего, кроме критики, не прозвучало. После жаркой речи Деникина Керенский пожал ему руку и сказал: «Спасибо, генерал, за вашу искреннюю речь». Факт, что Брусилов сотрудничал с революционными авторитетами, стал основной причиной его увольнения. Корнилов, с другой стороны, так как был ярким противником нового режима, казался именно тем человеком, который способен уничтожить введенные реформы. Его антипатия к политикам и его невероятная политическая наивность оказалась выгодна Керенскому, считавшему эти качества доказательством серьезности сильного человека. Керенский не боялся идей только что назначенного человека: всем было известно, что он не монархист и не хочет восстановления старого режима. Напротив, когда начали появляться разногласия, причиной их была не столько идеология, сколько глубокие предубеждения иного рода.

То, что Корнилов был неудачным выбором Керенского, стало ясно практически сразу. Ссоры начались с первого дня, Корнилов оговаривал в качестве условий много пунктов, среди которых было признание ответственности только за ним одним. Деникин, также недолюбливая Корнилова, прекрасно понимал, что это значит:

«Когда я прочитал, эту телеграмму [телеграмма Корнилова Керенскому] в газете, я не сильно удивился первому условию, выполнение которого создаст очень необычную форму сюзеренитета в части Верховного командования до созыва Учредительного собрания».

Временное правительство колебалось принять решение, попросту игнорируя это требование. Но вскоре Корнилов пригрозил отправить в отставку генерала В. А. Черемисова, назначенного командующим Юго-Западным фронтом, и Керенский был уже готов принять отставку. Но был переубежден Б. В. Савинковым, эсером, помощником военного министра. Под влиянием Савинкова Керенский сдался, и Черемисов не потерял свой пост.

Корнилов появился на национальной сцене как раз тогда, когда необходимость в нем стала очень острой. Неоднородные группы общества были сильно недовольны порядком,

порожденным революцией: землевладельцы боялись потерять свои земли, владельцы заводов волновались о сохранении своих заводов, но большинство русских патриотов считали, что распространяющаяся анархия помешает стране противостоять внешним врагам. Все, кто верил, что «более глубокая революция» подвергнет Россию опасности, смотрели на Корнилова как на яркого героя войны, не связанного со старым режимом, а поэтому не дискредитированного, как на человека решительных действий. Роль символа он играл еще до того, как начал предпринимать действия против Временного правительства.

Керенский был готов принять многие требования Корнилова, так как, назначая его на высокий пост, надеялся в дальнейшем продолжить войну. Но генерал понятия не имел, с какими политическими проблемами пришлось столкнуться Временному правительству. Ему было недостаточно частичного возвращения к предреволюционному военному порядку; вместо этого он хотел полной ликвидации революционных реформ в армии. Внезапное народное признание, которым он пользовался, очень повлияло на его поведение. Он стал верить в свою миссию и в то, что может вмешиваться в невоенные материи. И что хуже всего, он сильно переоценил силы, поддерживающие его.

Только защитники Корнилова думали, что их герой разбирается в политике и политических программах. Деникин писал:

«Он, будучи суровым и прямолинейным солдатом, искренним патриотом, мало знал о людях, введенный в заблуждение правдой, лестью и долгим ожиданием того, что кто-то должен появиться. Все это вызвало в нем желание принести себя в жертву – он действительно верил в судьбоносную природу своего назначения».

Не было никого, кто бы смог давать политические советы генералу. В компании искателей приключений, которые пользовались его политической наивностью, самой яркой и пользующейся дурной славой личностью был В. С. Завойко, который продолжал играть важную роль в антураже Корнилова во время Гражданской войны. Это Завойко писал приказы Корнилова, манифесты и даже письма; он владел ярким стилем, которым генерал восхищался.

Точную дату, когда Корнилов решил предпринять попытку насильственных изменений, нельзя установить. Похоже, что примерно за неделю до первого заговора главнокомандующий решил, что необходимо подавить партию большевиков и разогнать Советы. Первое заговорщическое действие произошло 19 или 20 августа (Лукомский не помнит точную дату), когда Корнилов приказал генералу А. И. Крымову сосредоточить 3-й кавалерийский корпус в районе, с которого мог быть атакован Петроград. Лукомский цитирует Корнилова в своих мемуарах:

«Пришло время положить конец всему этому. Пора схватить немецких агентов и шпионов с Лениным во главе, распустить Совет рабочих и солдатских депутатов и раскидать их далеко и надолго, чтобы они больше не смогли собраться вместе! Вы правы. Главной причиной моего решения переместить кавалерийский корпус... как можно ближе приблизиться к Петрограду к концу августа. И если эта демонстрация большевиков будет происходить, поступить с предателями России, как они того заслуживают. Я намерен поставить во главу этой операции генерала Крымова. Я знаю, что, если возникнет такая ситуация, он не будет колебаться и вздернет всех членов Совета рабочих и солдатских депутатов. Что касается Временного правительства, я не собираюсь идти против него. Я надеюсь прийти к общему соглашению в последний момент. Но сейчас не стоит говорить об этом с кем бы то ни было, так как, если товарищ Керенский и особенно товарищ Чернов не согласятся с моим планом, все будет испорчено. Если я пойду на соглашение с Керенским и Савинковым, то смогу нанести удар по большевикам и без их согласия. Но после этого они первые будут благодарить меня за это, и появится возможность сформировать сильное правительство в России, не зависящее ни от каких предателей».

Эти слова Лукомского убирают все сомнения, что Корнилов планировал распустить Советы даже без согласия Вре-

менного правительства и, таким образом, изменить политическую систему, установленную вследствие Февральской революции. Так как Лукомский играл видную роль в этом спектакле, он, конечно, хотел выставить Корнилова в хорошем свете. Таким образом, некоторые читают со скептицизмом о намерении Корнилова оставить Временное правительство после нанесения удачного удара. Хотя в этом есть смысл: генерал был невысокого мнения о Керенском, который после удара потерял бы всю власть. Существует доказательство, что Ставка фактически планировала убийство Керенского.

Назначив сам себя посредником между Ставкой и правительством, князь В. Н. Львов, знавший о планах Ставки, хотел помирить Керенского и Корнилова и начал переговоры с ними обоими. В штабе Корнилова он считался агентом Керенского, которым он не был, и создавал впечатление, что Керенский сдастся без борьбы. Такое мнение, конечно, было предпочтительнее с точки зрения конспирации. Львов записал требования Верховного главнокомандующего в присутствии Корнилова, чтобы представить их Керенскому. Дальнейшее способствовало росту оптимизма Корнилова в успехе его рискованного предприятия. Савинков, еще один сторонник сотрудничества между Корниловым и Керенским, вручил Верховному главнокомандующему просьбу Керенского о кавалерийском корпусе для защиты Временного правительства от большевиков. В этом случае войска Корнилова могли войти в столицу без пролития крови. В свою

очередь Керенский обговорил особое условие: командование не должно быть поручено генералу Крымову. Корнилов пообещал Савинкову, что войска поведет другой генерал, но, с другой стороны, не собирался снимать Крымова.

Львов представил требования Корнилова Керенскому 8 сентября. Сразу после этого между Керенским и Корниловым состоялась беседа. При этом министр-председатель подыгрывал Львову, подтверждая, что требования, которые Керенский назвал ультиматумом, на самом деле исходят от Верховного главнокомандующего.

Этой же ночью Керенский созвал заседание кабинета, на котором отправил в отставку всех министров-кадетов, чтобы обрести полную силу для подавления мятежа. Он телеграммой уволил Верховного главнокомандующего и приказал кавалерийскому корпусу,двигающемуся к Петрограду, остановить движение.

Конспираторы Ставки ощутили, что их предали. После сообщений Львова, Савинкова, после личной беседы они верили, что Керенский, осознав опасность, исходящую со стороны большевиков, захочет отдать всю власть в руки Верховного главнокомандующего без борьбы. В планы Корнилова не входило уходить в отставку, и он приказал Крымову продолжать наступление. Тем временем политики-анти-социалисты и некоторые социалисты уговаривали Керенского уйти в отставку, чтобы достичь компромисса. Керенский, рассчитывая на Сонеты, которые обещали ему поддержку,

отказался покинуть свой пост.

Мятеж Корнилова потерпел крах невероятно быстро. Войска, подойдя к столице, из-за подстрекательства агитаторов Советов (среди которых были большевики) просто отказались бороться; железнодорожные рабочие остановили все поезда, работники почты не передавали телеграмм Корнилова; его союзники в столице посчитали его несостоятельным и бросили его. Корнилов, должно быть, чувствовал свою ответственность за постыдный провал. Это спорный вопрос, удалось ли бы ему справиться с Советами при поддержке Временного правительства, но, безусловно, он мог сделать свое положение намного прочнее. Он взял на себя ответственность за начало Гражданской войны, когда приказал Крымову продолжать наступление, хотя было очевидно, что он столкнется с серьезным сопротивлением, к тому же корпус Крымова был слабо экипирован. Без сомнения, офицеры и часть казаков готовы были бы сражаться, если бы их герой самолично возглавил войска.

Когда все бросили Корнилова, лишь горстка генералов оставалась ему верна. Лукомский отказал Керенскому в просьбе возглавить русскую армию, оставшись верным своему командиру, как и все остальные постоянные члены Ставки, включая генерала И. П. Романовского. Командующие четырьмя фронтами объявили о своей солидарности с Верховным главнокомандующим: генерал В. Н. Клембовский, командующий Северным фронтом, как и Лукомский, отказал-

ся занять место Корнилова. Деникин вместе с Корниловым написал очень жесткое, бескомпромиссное письмо Керенскому. Но заслуженные генералы не могли повлиять на ход событий; их действия лишь усугубили ненависть, которую питали к ним солдаты.

Задача утихомирить бунтующих генералов Ставки легла на плечи генерала Алексеева. Алексеев сочувствовал желанию Корнилова навести порядок в армии и стране насильственными методами, но публично не соглашался с ним ни по одному пункту, так как старый генерал не верил в возможность успеха. Осторожность Алексеева, без сомнения, огорчала Корнилова и являлась еще одной причиной, почему в дальнейшем двум лидерам Добровольческой армии было сложно сотрудничать. Возможно, отчужденность Алексеева объясняется тем, что он хотел стать компромиссным звеном между Керенским и Корниловым. К 12 сентября стало очевидно, что Корнилов потерпел поражение, и Алексеев взял на себя полномочия начальника штаба при новом Верховном главнокомандующем Керенском, чтобы сместить с должностей заговорщиков как можно более безболезненно. Старый генерал поехал в Могилев, чтобы лично произвести арест зачинщиков мятежа. Это был конец Корниловского мятежа.

Все аспекты этого заговора до сих пор не выяснены. О роли Керенского в нем до сих пор спорят. Его враги утверждают, что он был в курсе дела и передумал лишь в послед-

ний момент, что он обманул Корнилова, чтобы избавиться от него. Многие историки сегодня обвиняют Керенского в том, что ему не удалось сработаться с генералом, и считают попытку Корнилова избавиться от Советов защитой от большевиков.

Нам мало известно о политической и финансовой поддержке Корнилова во время организации мятежа. Ясно только, что большинство антисоциалистов знали о его подготовке и поддерживали его, но им было невыгодно компрометировать себя открытым участием в этом сомнительном предприятии.

Можно обсуждать роль Керенского в этом представлении. Возможно, Керенскому была оказана помощь из-за границы, но все равно ясно, что Корнилов допустил политический промах. Он сильно переоценил свои силы, нечетко организовал заговор. Он провалился не только как политик, ничего не предложив русскому народу в тяжелое время войны, но и как военный.

Последствия мятежа Корнилова были разрушительными для антибольшевистского движения. Предупреждение Ленина об опасности контрреволюции вдруг обрело смысл. За неделю напряженных событий большевики впервые созвали большинство представителей Петроградского и Московского Советов, активизируясь по всей стране. Из-за большевистского влияния росла ненависть солдат к своим офицерам, даже и к тем, кто не имел никакого отношения к мятежу.

Последствия Корниловского мятежа сыграли важную роль в истории Гражданской войны. Антибольшевистские социалисты и офицеры никогда не доверяли друг другу, и при Временном правительстве это недоверие стало еще глубже. Но именно заговор Корнилова послужил причиной окончательного разрыва. Ни одна сторона не желала простить или забыть мнимые и реальные обиды, или, как они сами называли, «предательство». Без сомнения, главной причиной победы красных в Гражданской войне была недостаточная сплоченность в лагере их врагов.

Заговор отделил офицеров даже от кадетов и октябристов, которые более или менее желали успеха Корнилову. Только одни офицеры выступали открыто и после неудачи считали предателями всех пособников, которые сбежали, не понеся никаких потерь. Возможно, это одна из причин того, что во время Гражданской войны на стороне белых было так мало гражданских.

Заговор также способствовал образованию главного штаба антибольшевистского восстания, его составляла группа людей, немедленно начавшая готовить выступление после того, как Ленин захватил власть в Петрограде. За арестом Корнилова последовал арест Деникина и его коллег по командованию Юго-Западного фронта в Бердичеве. Деникин был несправедливо обвинен в участии в мятеже. На самом деле единственным его «преступлением» было проявление сочувствия Верховному главнокомандующему. Времен-

ное правительство назначило комиссию по расследованию во главе с военным прокурором И. С. Шабловским, который был плохо расположен к заключенным. Заключенные из Могилева и Бердичева были привезены в Быхов, недалеко от Могилева, где содержались в относительно комфортных условиях. Практически все заключенные в Быхове в дальнейшем сыграли ведущие роли в Добровольческой армии. Можно сказать, это началось со дня их ареста.

Корниловский заговор способствовал тому, что генерал стал лидером Белого движения: он стал самым известным антибольшевиком в стране. Белое движение получило своего героя еще до начала Гражданской войны.

Донские и кубанские казаки в 1917 году

Добровольческая армия была организацией офицеров. Они создали армию, задали тон, определили идеологию и всегда занимали главенствующее место в ней. Однако основную военную мощь составляли не офицеры и русские солдаты, а донские и кубанские казаки. Казаки по своему социальному положению и идеологии отличались от офицеров и воевали против большевиков по своим личным причинам.

Казаки являлись потомками свободных людей, сбежавших крепостных крестьян и искателей приключений, собравшихся между славянских областей Польши, России и татарских ханств. Ранее, в XV веке, они были серьезной угро-

зой политическому и социальному порядку на русском Юге. Но цари, собрав силы и умело используя политические средства, сумели взять под контроль хищных пограничных жителей. Однажды военная мощь казаков, которые являлись отличными бойцами, была обращена на охрану и расширение границ.

В начале XVIII века казаки потеряли свою уже сформированную автономию. Центральное правительство больше не позволяло им самим выбирать своего атамана; вместо этого им становился генерал неказацкого происхождения, назначенный царем. Тем не менее они смогли оставить свое управление на станичном уровне. Их примитивное понимание политики стало причиной того, что их держали на хорошем счету во время Гражданской войны.

Казаки, верные слуги царя против внешних и внутренних врагов, формировали привилегированное сословие: они должны были служить в армии порядка двадцати лет⁹, но в качестве компенсации получали земельные и налоговые привилегии. Они объединялись в одиннадцать сообществ (войск), среди которых Кубанское и Донское войска были наиболее значительными. Уровень жизни казаков был намного выше, чем крестьянский; они были сплочены и, что, возможно, более важно, гордились своим образом жизни.

⁹ Большую часть этого срока казак, конечно, живет дома и занимается своими повседневными делами, но в любой момент может быть призван к исполнению военных обязанностей. (*Прим. ред.*)

Почтовая открытка. Начало XX в.

Ни в одной провинции Российской империи казацкое население не составляло большинства. Только 49 процентов от 4 миллионов жителей Дона и только 44 процента от 3 миллионов жителей Кубани были казаками. Так как Кубань и Дон были богатейшими аграрными районами России, то привлекали множество крестьянских поселенцев. Но даже если эти крестьяне жили на Кубани или на Дону поколениями, они все равно не могли войти в казацкое сословие и даже не могли рассчитывать на постоянное местожительство в этих краях. Они должны были хранить паспорта тех мест, где проживали их предки. Так как эти крестьяне всегда яв-

лялись соперниками казаков, их называли *иногородние*, что значит люди, прибывшие из других городов. Согласно переписи 1914 года, иногородние составляли 53 процента от жителей района Кубани. (Неказацкий остаток составлял основное население этих областей: калмыки в районе Дона, кавказские племена в районе Кубани.) Казаки были гораздо богаче, чем иногородние. На Дону иногородние владели лишь 10 процентами плодородной земли, на Кубани – 27 процентами. Участки земли, которыми владели иногородние, были очень маленькие: самые крупные составляли на Дону – 1,3 десятины, на Кубани – 1,5 десятины (1 десятина равна 2,7 акра). Большинству крестьян приходилось арендовать землю у казаков, а повышение цены аренды земли часто переносилось очень тягостно. Но даже когда, как любят уточнять советские историки, расслоение между казаками и неказаками уменьшилось и некоторые крестьяне стали богаче, чем некоторые казаки, неприязнь росла не между богатыми и бедными, а между казаками и иногородними.

Крупная промышленная зона существовала на Дону, но не на Кубани. Индустриальные города Ростов и Таганрог, а также Донецк и прилегающие к нему районы, где велась угледобыча, были неотделимо связаны с жизнью Донского войска. Характерно, что не Ростов, один из самых крупных русских городов, бывший столицей региона, а Новочеркасск контролировал казачье войско. Большой процент рабочих промышленных городов происходил из семей иногородних:

так как аренда на землю постоянно росла, иногородние сгонялись с земель. Понятно, что во время Гражданской войны города стали центрами антиказацких, большевистских действий.

Наследие привилегий военного сословия стало пережитком старины в XX веке, и обе революции 1917 года, разрушившие старый порядок, создали благоприятные условия для тех, кто хотел избавиться от пережитков прошлого. Иногородние больше всего желали получить казацкие земли, казаки же, понимая желание иногородних, осознавали, что защитить свой образ жизни они смогут, лишь держа русских крестьян под своим контролем. Поэтому Гражданская война на казацкой территории сильно отличалась от войны на других территориях России: в районах Кубани и Дона война шла не на жизнь, а на смерть между двумя группами населения. Поэтому неудивительно, что казаки в поисках союзников примкнули к белым, а иногородние – к большевикам.

Февральская революция застала молодых казаков на фронте. (Их, в отличие от старых казаков, оставшихся дома, называли фронтовиками.) Казачьи части соблюдали дисциплину лучше остальных. Ими командовали казачьи офицеры, люди из такого же социального и культурного сословия, и разлад между казаками и офицерами, в отличие от русской армии, в казачьих частях не произошел. Временное правительство использовало самых дисциплинированных казаков для обеспечения безопасности, к примеру, именно они по-

давлиали беспорядки в Петрограде в июле. Их действия под началом Временного правительства зарекомендовали казаков как преданных слуг власти.

Пока казаки демонстрировали хорошую дисциплину, в отличие от остальных войск, но им все же не удалось избежать влияния революционной атмосферы. Усталость от войны и разочарование политикой правительства затронули и их, а пропаганда большевиков посеяла недовольство. Радикализм фронтовиков создал барьер, отделяющий их от старших казаков, продолжающих придерживаться старых принципов. Серьезные различия во мнениях между старшим и новым поколением казаков проявились после Октябрьской революции. Эта разобщенность поколений сильно препятствовала правительству в Новочеркасске и Екатеринодаре противостоять бешеной атаке большевиков.

Жители Донского войска восприняли новости о Февральской революции с энтузиазмом. События в Петрограде породили надежды на лучшее, распространившиеся по всей стране, и казацкие территории не были исключением. Моментально враждебность между казаками и иногородними заметно снизилась.

Представители различных социальных и политических организаций сформировали Донской Исполнительный комитет. Атаман барон Грабе, который получил эту должность только в 1916 году, отказался с ним сотрудничать и был смещен с этой должности и заменен Е. А. Волошиновым, вре-

менным атаманом.

Атаман и Исполнительный комитет представляли хорошо организованную часть казачьего населения. Представители иногородних впервые встретились в мае, когда стало ясно, что перемирие между двумя частями населения окончилось. На собрании доминировали экстремисты, и на нем была принята резолюция об отмене всех казачьих привилегий. Так как эта резолюция не имела никаких немедленных результатов, то собрание быстро распустили, даже не выбрав ответственного лидера. Когда казачий парламент, Круг, вскоре вновь собрался, то был выбран атаман и правительство, без учета желаний русских крестьян. Февральская революция позже не внесла никаких изменений в статус иногородних, которые по-прежнему оставались жителями второго сорта.

Круг выбрал атамана Алексея Максимовича Каледина, который, таким образом, стал первым с 1723 года демократически избранным лидером казаков. Это был прекрасный выбор. Каледину к моменту избрания исполнилось 55 лет. Он окончил Михайловскую артиллерийскую академию и Академию Генерального штаба. В течение мировой войны он заслужил репутацию одного из лучших командиров русской армии, став генералом от кавалерии.

Каледин был консерватором; он не одобрял реформ, введенных революцией в армейскую жизнь, более открыто, чем все остальное главнокомандование. Из-за его бескомпромиссного отношения Брусилов, командующий Юго-Запад-

ным фронтом, и уволил его. Каледин вернулся на свой родной Дон и как офицер самого высокого ранга стал кандидатом в атаманы. То, что казаки выбрали человека, уволенного из армии за несогласие с реформами революции, показывает настроения казаков, оставшихся дома.

Каледин не был прекрасным руководителем; слишком беспокоясь о незначительных деталях, он не смог выработать четкую и ясную программу. Не был он и харизматичным политиком: касательно общественных дел он говорил мало и редко воодушевлял аудиторию, разводить демагогию он не любил. Но тем не менее был одним из самых заметных вождей антибольшевистского движения. Его преданность, высокие идеалы и самоотверженность вызвали глубочайшее уважение. Консервативный Каледин утвердил свое лидерство мгновенными переменами после Октябрьской революции: он убедил казаков принять представителей иногородних в качестве партнеров в войско. Его политика провалилась; убежденные антагонисты не были настроены идти на компромисс. Тем не менее, пытаясь объединить казаков и иногородних, Каледин проявил себя дальнзорким политиком.

Атаман Каледин участвовал в московском собрании в августе и вызвал сенсацию, подготовив очень яркую речь. Он призывал правительство освободиться от «партийных и классовых организаций», под которыми он подразумевал Советы. Но самое важное, он хотел отменить советы и ко-

миссариаты в армии, чтобы поставить армию выше политики. Речь Каледина сделала его героем среди антибольшевиков. Когда Корнилов решил пойти против Советов и Временного правительства, он рассчитывал на поддержку Каледина. Без сомнения, Каледин разделял взгляды Корнилова и был согласен с его программой, желая успешного исхода, но был просто не в состоянии предложить серьезную помощь. Он руководил отдельной областью и едва сохранял лидерство у себя дома. Дон был окружен городами, где проживали рабочие, ненавидящие Корнилова, которые могли помещать казакам Каледина двинуться в Петроград на помощь Корнилову. После провала Корниловского мятежа Временное правительство хотело арестовать Каледина вместе с другими генералами. Круг решил встать на защиту Каледина, но вместо того, чтобы доказывать его невиновность перед Временным правительством, он настаивал на том, чтобы по старым казачьим традициям суд над их атаманом позволили бы провести самим казакам. Но последующее судебное заседание было лишь формальностью: было заранее известно, что те, кто выбрал Каледина своим атаманом несколько месяцев назад, будут на его стороне против Керенского. А Временное правительство было слишком слабо, чтобы навязывать другое решение. Донское правительство и Круг продолжали кормить власть в Петрограде пустыми обещаниями. Таким образом, область Дона стала фактически полностью независимой.

Отношения между иногородними и казаками продолжали ухудшаться. Самые бескомпромиссные вожаки иногородних обретали все большую популярность: антикалединское движение было особенно мощным в городах. Меньшевики и социалистические революционеры преобладали в Советах, но большевики тоже становились сильнее и там, и по всей стране. Июльские дни были провалом для большевиков, но мятеж Корнилова помог им возместить потери и обрести новых последователей. Среди рабочих Ростова и Таганрога меньшевики оставались сильной партией, но шахтеры Донеска попали под влияние большевиков. А самым важным, с точки зрения большевиков, было то, что они получили поддержку от полка, стоящего в районе Дона. Большинство солдат примкнули к большевикам, и с тех пор как Временное правительство разрешило голосовать солдатам, где бы они ни находились, мощь большевиков неудержимо росла.

В ноябре 1917 года область Дона, как и вся остальная страна, была на грани гражданской войны.

Социальная и политическая структура Кубани была похожа на донскую, и политические события 1917 года развивались там по тому же сценарию. В дальнейшем ситуация на Кубани стала сложнее из-за разлада между казаками.

Кубанское казачье войско было своеобразным: оно возникло в 1860 году из черноморских казаков и «линейцев». Черноморские казаки были потомками казаков Запорожской Сечи. После распада Запорожской Сечи в 1775 году

некоторые казаки бежали в Турцию, других Екатерина II поселила на Кубани. Эти люди сформировали свое войско и продолжали хранить свои украинские корни. В конце XVIII века Екатерина поселила донской казачий полк в верхней Кубани в качестве защиты от горских племен Северного Кавказа. Так как эти казаки проживали на территории, называвшейся линией между населенными землями и племенными землями, их прозвали «линейцами». Линейцы, говорившие по-русски, недолюбливали черноморских казаков, говоривших на украинском диалекте. Два казачьих общества так и не объединились.

После Февральской революции политическая жизнь на Кубани была более благоприятной, чем в Донской области. Атаман Бабич оставил свой пост и покинул Екатеринодар. В апреле в столице провинции собралась ассамблея, на которой присутствовали представители и казаков, и иногородних. Казаки признали, что иногородние должны занять места в правительстве; иногородние сделали шаги к примирению, когда поддержали резолюцию, согласно которой земельный вопрос должен быть улажен так, чтобы не ущемлять интересы «работающих» казаков. Ассамблея выбрала Исполнительный комитет, в котором присутствовали представители обеих сторон.

Дух примирения, порожденный Февральской революцией, прожил недолго. Иногородние настаивали на лишении казаков их привилегий, в то время как казаки боялись из-

лишней демократии, которая могла наделить иногородних политической мощью. Между двумя сторонами населения компромиссы стали невозможны. Крупный разлад произошел в июле, когда казаки устроили митинг и сформировали свое войско, отменив при этом Исполнительный комитет.

Уничтожение созданной организации сделало казаков сильнее в политическом отношении. Они сформировали в Екатеринодаре свое правительство, которое было призвано решать только специфические казачьи проблемы. Упразднение Исполнительного комитета сделало это правительство единственным эффективным органом власти в этом районе. Казачьи вожаки, вместо того чтобы пойти на уступки иногородним, пытались сохранить собственные привилегии и видели отличный способ сделать это, сотрудничая с другими казачьими войсками. Казачий федерализм быстро распространился и на территории Кубани.

В Кубанской области не было выбранного атамана до октября 1917 года. Выборы положили начало соперничеству между линейцами и черноморскими казаками. Глава Кубанского правительства А. П. Филимонов, линейец, был выбран атаманом 25 октября. Он был абсолютно не похож на атамана Каледина. Своей главной целью он всегда считал максимальное сохранение того, что осталось от старого режима.

Кубанская область не была промышленной, поэтому не было и рабочего класса. Но недальновидная политика казачьих руководителей создала благоприятную почву для боль-

шевистской пропаганды среди крестьян. Накануне большевистской революции отношения между иногородними и казаками на Кубани были еще хуже, чем в Донской области.

Начало белого движения

Значение событий 25 октября очевидно лишь в ретроспективе: бездействие свидетелей большевистского мятежа стало причиной последовавшего далее кризиса. Некоторые могут оспорить то, что политический захват большинства Советов в Петрограде и Москве, изолировавший Временное правительство, был наиболее значительным событием и что мятеж большевиков так и не уладил основную проблему – отсутствие правительства. Было просто избавиться от беспомощного Временного правительства, но было очень сложно успешно заменить его. Большевики все еще должны были доказать свою состоятельность.

Даже с чисто военной точки зрения восстание было не таким жестким, как все последующие события. В борьбе за Москву между 10 и 15 ноября около 500 большевиков погибло. 11 ноября юнкера и кадеты устроили мятеж в Петрограде с целью захватить телеграфную станцию и военного комиссара В. А. Антонова-Овсеенко. Но восстание провалилось, так как было плохо спланировано, а социал-революционные политики, стоящие за этим, не заручились поддержкой рабочих и солдат в столице. В итоге 200 человек погибли.

Для большевиков попытки Керенского вернуть войска с фронта были еще опаснее. Экс-глава правительства в первую очередь обратился к генералу Черемисову, его бывшему

protege, командовавшему Северным фронтом, который был стратегически выгодно расположен, будучи в непосредственной близости к Петрограду. Но Черемисов отказал в помощи. Возможно, он надеялся пойти на сделку с большевиками, возможно, он на самом деле понимал, что его солдаты не будут воевать, а может, он настолько разочаровался во Временном правительстве, что не видел больше причин идти против новой власти. Какими бы причины ни были, шансы Керенского вернуться на свой пост таяли день ото дня.

Последними, воюющими за Керенского, были 700 казаков генерала П. Н. Краснова. То, что Керенскому пришлось обратиться к Краснову, человеку, имеющему непосредственное отношение к Корниловскому мятежу, демонстрирует крайнюю несостоятельность Временного правительства. Краснов, разумеется, преследовал другие цели, не относящиеся к восстановлению смещенного правительства, и независимо от исхода Керенский вряд ли бы вышел победителем из этого предприятия. Но крупного сражения так и не произошло. Казаки медленно двигались в столицу, встречая все большее и большее сопротивление со всех сторон. Так как казаки чувствовали изоляцию, сомнения по поводу их миссии росли, моральный дух падал, и, когда они неожиданно столкнулись с сопротивлением большевистских моряков, они отступили, и это отступление положило конец восстанию. Керенского заставили бежать, а Краснов попал в руки большевиков. Краснов и казаки пообещали не препят-

ствовать новому режиму и были отпущены под честное слово. Краснову вскоре пришлось нарушить свое слово, сделал он это без особых угрызений совести. Но после такого успеха большевики впервые полностью завладели столицей, хотя на остальной территории страны их власть еще не была установлена.

Горькие итоги Гражданской войны поднимают вопрос: что было сделано оппонентами большевиков? Они не могли оставаться в неведении: большевики никогда не скрывали своих измерений, армейские офицеры и политики долгое время говорили об опасности, исходящей от большевиков. Почему же тогда они дали время своим врагам набрать силу и захватить власть?

Такое бессилие объясняется несколькими причинами. Последователи Корнилова, так же как и последователи Керенского, испытали глубокое разочарование в русских людях. Они понимали, что рабочие и крестьяне, а важнее всего, солдаты с оружием в руках, если и не были большевиками, то под влиянием пропаганды большевиков не стали бы воевать против нового режима. Осознание одиночества моментально ослабило сопротивление. Парадоксально, но растущая уверенность большевистских противников в недолговечности новой власти сыграла ей на руку. Все в России, и не только, были уверены, что новый режим не просуществует долго. Антибольшевики верили, что скоро народ разочаруется, а партия, ответственная за анархию, уже не сможет его

контролировать. Царь и демократические партии не смогли управлять страной; как сможет группа искателей приключений с диковинными идеями справиться с властью?

Возможно, самой важной причиной бездействия было общее непонимание природы большевизма. Было бы несправедливо обвинять очевидцев событий в ошибке суждений: большевизм, как мы понимаем его сейчас, в то время еще не существовал; партия была лишь в процессе осознания совершенно новой и неожиданной ситуации, ее руководство имело лишь призрачные идеи будущего режима. Оба крыла антибольшевистского движения, социалисты и офицеры, неправильно воспринимали своих оппонентов. Самой главной ошибкой социалистов было то, что они недооценили различия между собой и новым руководством. Меньшевики и социал-революционеры относились к большевикам как к очередной социалистической партии. Они возлагали большие надежды на выборы, так как считали, что народ отречется от партии, захватившей власть, а социалистическая партия, по их мнению, никогда бы не отказалась выполнить требование народа.

Все, кто принадлежал к правому крылу, с одной стороны, были настолько ослеплены ненавистью к Керенскому и «революционной демократии», что не видели причин защищать Временное правительство от захватчиков. Прошло некоторое время, прежде чем они осознали, что новый режим еще хуже старого. Ошибки, часто совершаемые правыми, осо-

бенно офицерами, заставили их воспринимать большевиков как немецких агентов.

Сегодня мы знаем, что большевики получили помощь от врагов страны. То, что некоторые интересы большевиков и немцев, в том числе и свержение Временного правительства, совпадали, способствует неверному суждению о сущности большевизма. У большевиков были свои планы, не имеющие никакого отношения к помощи немцам.

Психологическая особенность заблуждений офицерства вполне понятна. Они воевали три года, пожертвовав миллионами земляков. Чтобы иметь силы воевать, им приходилось верить в то, что исход войны будет решающим для их страны. Поэтому все их мысли были о том, что нужно для войны; они на все смотрели с точки зрения русско-германского противостояния; во всех бедах страны они обвиняли врага.

Люди, возглавляющие антибольшевистское движение, моментально были сбиты с толку: обе задачи – бороться с иностранным и внутренним врагом – требовали разного поведения. Прежние взгляды заставляли их верить, что участие России в мировой войне гораздо важнее. Как они могли покинуть линию фронта, чтобы противостоять большевикам, в то время как армия защищала отчизну, хотя и формально? Как они могли показать своим солдатам плохой пример, послушавшись приказа? Почему они должны были бросить все силы на борьбу с вражескими агентами, большевиками, и позволить реальному врагу одержать победу? Ди-

лемма выбора между двумя врагами оставалась для армии в течение всей мировой войны. Но вскоре события сложились так, что для офицеров стало невозможно продолжать войну с Германией. Тем не менее, хотя бы теоретически, армия всегда противостояла Германии.

Но важно помнить и тот факт, что не все и даже не большинство офицеров хотели продолжать войну с Германией. Многие были настолько истощены, что желали конца войны при любом раскладе. Именно офицеры первыми воспользовались возможностью, предоставленной большевиками, покинуть армию и вернуться к своим семьям; единственное, чего они хотели, чтобы их оставили в покое (в дальнейшем они потеряли свое политическое значение). А те же, кто был настроен воевать с немцами, были готовы и воевать с большевиками.

Во время прекращения военных действий с Германией у Ленина возникла идея захватить управление армией, и это изменило кардинальным образом отношение к нему офицеров. Очевидная невозможность продолжения войны с Германией стала одной из причин образования Белого движения и формирования Добровольческой армии.

Падение генерального штаба главнокомандующих и заключенные Быхова

Осторожное поведение большевиков в первые недели отразилось и на их взаимоотношениях со Ставкой. Ленин и его коллеги понимали, что решающий поединок с верхами армии неминуем. Они прекрасно знали историю французской революции и боялись, что Могилев может стать русским Версалем. Но, несмотря на все свои страхи, в первые недели Ленин не хотел отправлять в отставку генерала Н. Н. Духонина, начальника штаба, который также временно исполнял обязанности Верховного главнокомандующего в отсутствие Керенского. Ленин откладывал последний ход так долго, как только мог.

Опасения большевиков относительно Ставки не были беспочвенными: Могилев привлекал всех врагов нового режима. Керенский обратился за помощью к Духонину; генерал хотел помочь, но его приказы не выполнялись. Хорошо известные лидеры эсеров В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев и А. Р. Гоц приехали в Могилев и забавлялись идеей сформировать правительство под началом Чернова. Но потом решили, что такое действие будет преждевременным, так как полагали, что Учредительное собрание, которое должно было состояться в январе, просто-напросто изберет большеви-

ков. Они боялись, что решительные действия могут заставить партию передумать созывать собрание.

Так как один обескураживающий доклад следовал за другим, политические и военные лидеры перестали быть активными. Свои последние дни в Могилеве они проводили на бесконечных заседаниях, на которых пытались решить, что же делать. Главная ответственность за бездействие лежит на генерале Духонине, который как командующий русской армией был более всех способен возглавить сопротивление. Духонину, честному и умному офицеру, не хватало обаяния и решительности, необходимой для предводителя народного движения. Как и большинство офицеров, его парализовала мысль о возможности продолжения войны с Германией. Это идея казалась ему такой важной, что он не хотел ставить ее под угрозу, развязывая гражданскую войну.

Главный вопрос, тревожащий Духонина, был в том, что он не знал, что же делать с заключенными в Быхове. Когда Временное правительство арестовало всех офицеров, участвовавших в Корниловском мятеже в сентябре 1917 года, оно поместило их в монастыре города Быхов, недалеко от Могилева, поручив их охрану Ставке. К моменту Октябрьского переворота все, за исключением пяти генералов – Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, А. С. Лукомского, И. Р. Романовского и С. Л. Маркова, были отпущены на свободу. Духонин понимал, что освобождение последних генералов будет приравняться к началу войны с большевиками, которые ис-

пытавали страх перед Корниловым. В противном случае он оставляет своих коллег в руках врагов. Духонин мешкал с решением в этой сложной ситуации.

Заключение с самого начало было мифом. Текинский кавалерийский полк, находившийся в Быхове, был предан Корнилову и с радостью позволил бы бежать всем генералам, а по приказу мог даже попытаться арестовать Керенского. Но арестованные оставались в Быхове, надеясь, что их оправдает комиссия по расследованию. Удивительно, но они все еще колебались, даже когда большевики захватили власть.

Даже ветераны-антибольшевики, заключенные в Быхове, не понимали важности политических изменений, произошедших вследствие Октябрьской революции. Они продолжали верить в возможность продолжения войны с Германией и поэтому отказывались демонстрировать неповиновение, чтобы не показывать дурной пример армии. Генералы Ставки теряли дорогое время в ожидании освобождения своих предводителей: мысль послушаться была для них неприемлемой.

Отношения между генералами в Быхове и в Ставке были неоднозначными. Теоретически, конечно, Духонин стоял выше Корнилова, но Корнилов пользовался таким уважением в Могилеве, с которым Духонин не мог конкурировать. Офицеры в Ставке продолжали называть Корнилова Верховным, такой чести не удостоивался ни Керенский, действующий Верховный главнокомандующий, ни Духонин. С одной

стороны, лишённые свободы ждали освобождения, а с другой – давали советы вышестоящему руководству, которые звучали как инструкции.

Корнилов настаивал на том, чтобы Ставка не сдавалась без боя, и давал следующие рекомендации Духонину:

«1. Расположите у Могилева один из чешских полков и один из польских.

2. Займите Оршу, Смоленск, Жлобин и Гомель при помощи польского корпуса и казачьей батареи.

3. Сконцентрируйте на линии Орша – Могилев – Жлобин все отряды Чехословацкого корпуса и одну или две самые лучшие казачьи дивизии под предлогом отправки в Петроград и Москву.

5. Снабдите Могилев и соседние окрестности винтовками, боеприпасами, пулеметами...

6. Наладьте тесную связь и придите к соглашению с атаманами Дона, Терека и Кубани...».

Это письмо очень интересное, если учесть, что Корнилов был не в курсе дела и не понимал, что многие военные, на которых он возлагал большие надежды, не будут бороться с большевиками. Важно обратить внимание на тот факт, что в это время Корнилов обдумывал лишь военные действия, не имея никакого политического оружия против большевиков.

Лукомский посылал инструкции Духонину, предлагая

немедленно перевести Ставку в Киев. Там личная безопасность офицеров будет надежнее, а борьба с большевиками может продолжаться. Эту идею одобрил Дитерихс, но к полному согласию прийти так и не удалось, и Ставка продолжала бездействовать в самые решающие дни.

Ссора между Ставкой и большевиками произошла на почве разногласий по поводу мирных переговоров. Духонин не мог пойти на компромисс, а Ленин больше не собирался медлить. 20 ноября Ленин отдал приказ начальнику штаба начать мирные переговоры с врагом. Духонин, все еще не желающий давать категоричный отказ, получил два дня на обдумывание серьезных вопросов. Но затем он окончательно заявил, что не собирается принимать участия в переговорах на мирной конференции, что сделало его отставку неизбежной. Ленин назначил прапорщика Н. В. Крыленко Верховным главнокомандующим, Крыленко моментально собрал небольшой отряд, состоящий преимущественно из моряков, и направился в Могилев с целью захвата Ставки.

Крыленко покинул Петроград 24 ноября. На следующий день местный большевистский военный революционный комитет арестовал в Минске генерала Балуюева. Отряд Крыленко подходил к Могилеву медленно, но без особой угрозы быть остановленным. Вплоть до последнего дня Духонин не мог решиться на серьезный шаг. Соппротивление становилось все более и более бесполезным, и солдаты отказывались выполнять приказы. Несмотря на приказ, мост на пути

в Могилев так и не был взорван. Иностранцы, политики и некоторые офицеры покинули Могилев 2 декабря, за день до прибытия Крыленко. Духонин решил оставаться на месте.

Решение вопроса, что делать с заключенными в Быхове, становилось неотложным. Выбранный комиссар от казачьего соединения, В. В. Шапкин, обратился к Дитерихсу с предложением, чтобы Корнилова переправили в Донскую область, где бы он мог быть спасен. Дитерихс издал приказ об освобождении Корнилова и вместе с Шапкиным повез его к Духонину на подпись. Шапкин так описывает это событие:

«Мы застали Духонина одного в своем кабинете. Дитерихс молча передал ему приказ о переводе заключенных в Каменское на Дону. Прочитав его, Духонин какое-то время помедлил, но затем взял карандаш и решительно поставил свою подпись. Отдав бумагу обратно Дитерихсу, Духонин сказал: „Я только что подписал свой смертный приговор”».

В течение следующего дня Духонин менял свое решение дважды. Всего лишь за день до приезда большевиков он послал полковника Кусонского в Быхов с сообщением о том, что генералы должны покинуть место своего заключения немедленно. За это решение он заплатил своей жизнью: 3 декабря солдаты-революционеры сняли Духонина с поезда и убили его. Крыленко, будучи не в состоянии предотвратить этот эксцесс, заявил, что ярость была следствием того, что

Духонин позволил Корнилову сбежать.

Пять выдающихся личностей зарождающегося Белого движения продолжали ждать решения вышестоящего командования. Корнилов, будучи совершенно спокойным, приказал преданному Текинскому полку подготовить бегство, но Деникин при поддержке других генералов уговорил Корнилова отложить это хотя бы на два дня. Корнилов согласился. При данных обстоятельствах заключенным ничего не оставалось, кроме как строить планы: фальшивые документы были уже готовы, а маршрут для текинцев обсуждался. Единогласно генералы решили, что следует отправиться в Донскую область, никто даже не думал о другом варианте. Они были уверены, что донское правительство, не подчинившееся Керенскому, должно помочь врагам большевизма.

Все спланировав, генералы были готовы бежать в тот же день, когда придет разрешение. Марков, Лукомский, Романовский и Деникин путешествовали инкогнито, а Корнилов отказался прятаться и предпочел вести своих текинцев лично. Это решение оказалось импульсивным и плохо взвешенным. Большевики, вскоре обнаружившие, что их злейшие враги ускользают, могли потерять контроль и не найти людей, путешествующих инкогнито. Но генерала, ведущего за собой несколько сотен солдат, можно было легко вычислить.

Поход был невероятно сложным. Всадники начали марш с целью как можно дальше уйти от Быхова: из семи ночей они отдыхали лишь четыре. Погода была очень холодной, а

солдаты были плохо экипированы. У них было лишь смутное представление о том, что их ждет впереди. Когда после семи дней похода их догнали красные, это было слишком даже для преданного Текинского полка. Столкновение было не очень серьезным, хотя лошадь Корнилова была убита прямо под ним. Красные обстреляли их издали, а затем отступили. Тем не менее Корнилов собирался продолжать поход. Он театрально уговаривал свой полк, даже грозился совершить самоубийство, но не отступать: текинцы все равно отказались двигаться дальше. На следующий день Корнилов сел в поезд в одежде румынского крестьянина с паспортом на имя Лариона Иванова. 19 декабря будущий предводитель Добровольческой армии без особых сложностей прибыл в Новочеркасск.

Путь других генералов не был таким опасным. Лукомский, одетый как немецкий поселенец, ехал через Могилев и Москву. Единственное неудобство, которое он испытал, было то, что ему пришлось сбрить усы и бороду. Романовский был младшим офицером, а Марков – простым солдатом. Полковник Кусонский посадил этих двоих на свой поезд до Киева, и оттуда они благополучно добрались до места назначения. Деникин притворился поляком и ехал один. Он стал генералом в самом начале войны и с того времени совсем забыл, что значит быть обыкновенным человеком. Так как он все время находился в армии, то мало знал о проблемах, волнующих большинство русских людей. Но во вре-

меня этой поездки люди общались с ним как с равным. Тогда, по его словам, он впервые почувствовал всю силу ненависти бедных к богатым. В своих мемуарах он отмечал, что такая ненависть не могла быть только результатом большевистской пропаганды; в этом были также виноваты условия, в которых жили крестьяне в прошлые века, и страдания, принесенные войной.

Возможно, это непродолжительное, но близкое общение с русскими крестьянами и сформировало неоднозначное отношение Деникина к старому режиму. Он винил в неудачах родины всех людей, а не только большевиков. Никто из других представителей Белого движения не писал таких писем:

«Теперь я простой «буржуй», иногда на меня бросают косые взгляды, иногда взгляды полные ненависти, но чаще всего на меня просто никто не обращает внимания. Теперь я столкнулся с реальной жизнью, и меня это очень испугало. Прежде всего, я почувствовал ненависть ко всему, что социально или интеллектуально выше толпы, ко всему, что носит малейший оттенок роскоши, даже скучные побрякушки, являющиеся атрибутом другой культуры или того, что чуждо толпе. Это чувство выражает ненависть, накопленную веками, горечь, порожденную тремя годами войны, панику, посеянную революционными лидерами».

Деникин, Марков и Романовский прибыли в Новочер-

касс 5 декабря; Лукомский – на следующий день.

Рождение Алексеевской организации

Прибыв в Новочеркасск из Быхова, генералы обнаружили антибольшевистскую организацию офицеров, в конечном итоге сформировавшую Добровольческую армию. Название организации – Алексеевская – отражает ее природу: это детище одного человека – генерала Алексеева.

Специфические черты этой организации объясняются последними месяцами Временного правительства. Очень немного известно о первых шагах Алексеева: он умер в 1918 году, и у большинства генералов не хватило времени написать мемуары. После Корниловского мятежа Временное правительство не доверяло офицерам, поэтому Алексеевской организации пришлось сохранять конспирацию, этим объясняется нехватка средств.

Генерал начинал свое дело исключительно из благотворительных побуждений; он хотел помочь семьям офицеров, участвовавших в Корниловском мятеже, нуждающимся офицерам, которые просили его о помощи. Благодаря бывшей должности, в штабе Ставки у него сохранились прекрасные связи с политиками, и он их использовал для привлечения средств. Его письмо к Милюкову, написанное в сентябре 1917 года, очень интересно тем, что в нем он просто угрожает некоторым промышленникам, что раскроет степень их

участия в Корниловском мятеже, если они не выделяют деньги семьям заключенных:

«У меня к вам есть просьба. Я не знаю адресов товарищей Вышнеградского, Путилова и других. Но семьи заключенных существуют на грани смерти от голода. Чтобы их спасти, офицерскому комитету необходимо собрать 300 тысяч рублей. Я прошу этих людей срочно прийти им на помощь.

Мы не можем бросить на произвол судьбы семьи тех, кто был связан с нами общим делом и идеей. Я покорно прошу вас взять на себя это ответственное задание и сообщить мне о результатах. Мы, офицеры, больше чем просто заинтересованы в этом.

Необходимо сказать, что если дело немедленно не продвигается вперед, то будет проведено энергичное расследование, с целью выявить истинные обстоятельства, и за пять или семь дней дело будет передано в суд. Генерал Корнилов в суде опишет реальную картину всех приготовлений, всех участников [мятежа], чтобы показать русским людям, с кем он имел дело, со сколькими людьми он имел договоренность и как он, лишь с маленькой группой офицеров, брошенный всеми, отвечает за свои поступки перед судом».

Генерал от инфантерии Михаил Алексеев

Мы не знаем, сколько денег удалось собрать Алексееву, но это обращение не оказалось напрасным, если учесть, что он смог помочь сотням пострадавших. Со временем эта организация приобрела и другие функции, помимо благотворительности, некоторые из них не отвечали законам Времен-

ного правительства. Например, Алексеев помог офицерам остаться и Петрограде, так как ему удалось уговорить его друзей-предпринимателей устроить их в качестве рабочих. В период революций организация офицеров имела политическое значение. Некоторые политики, например В. М. Пуришкевич, надеялись, что Алексеев использует своих офицеров для давления на Временное правительство, чтобы вести более консервативную политику. В этот период Алексеев принимал активное участие в политической жизни страны: он переписывался с такими антибольшевистскими лидерами, как атаман Каледин, укрепил связи со многими военными училищами, а также организовал еще одну так называемую Алексеевскую организацию в Москве.

Но, несмотря на очевидную опасность и все разговоры о скором восстании большевиков, произошедшими 25 октября событиями генерал был глубоко потрясен, как и большинство его соотечественников. Борис Савинков, политик, социал-революционер, враг красных, виделся с ним в день революции; к своему разочарованию, он увидел, что у Алексеева нет никакого плана действий. Военная сила, его команда офицеров, была слишком слаба, чтобы оказать вооруженное сопротивление.

Алексеев инкогнито покинул Петроград 13 ноября и прибыл в Новочеркасск двумя днями позже. До того как покинуть Петроград, он попросил своего помощника, полковника Веденяпина, послать офицеров в столицу Донской обла-

сти, как только он получит известие о его прибытии в этот город. Алексеев первый понял: чтобы бороться с большевиками, необходимо создать новую армию, а не пытаться сохранить старую.

Алексеевская организация в Петрограде и Москве снабжала людей деньгами, фальшивыми документами и гражданской одеждой, чтобы сделать путешествия на юг безопаснее. Другая подобная организация – «Союз бежавших из плена» – также играла важную роль в перевозке офицеров на юг. Медсестра М. А. Нестерович, связанная с организацией, ездила семь раз из Москвы в Новочеркасск, перевозя с собой сотни офицеров. Некоторые руководители, находящиеся вне подозрения, давали Нестерович разрешение путешествовать со своими компаньонами.

Как Алексеев справлялся с поставленной задачей в этот период, лучше всего видно в письме к Дитерихсу, квартирмейстеру Ставки, написанном 21 ноября, шесть дней спустя после его прибытия на Дон. В отличие от Корнилова он не относился к этому делу как к военному предприятию. Он доложил Дитерихсу, что уже готов связаться с журналистами и другими пропагандистами, и отметил, что необходимо потратить больше средств на пропаганду, чем на создание армии. Но больше всего другого Алексеев желал, чтобы Южная Россия стала базой для всех антибольшевистских операций.

Главной целью этого письма было координирование во-

енных планов с планами Ставки. Как и Корнилов, он хотел использовать Чехословацкий корпус против большевиков, но посчитал создание новой армии наиболее важной задачей. Алексеев осознавал, что будущая армия принципиально должна состоять из офицеров и быть добровольческой организацией. Он обратился к Дитерихсу с просьбой помочь снарядить его войска.

Скоро стало ясно, что Алексеев был слишком оптимистично настроен. Одно разочарование следовало за другим: слишком мало офицеров откликнулись на его призыв, движение страдало из-за недостатка средств, и что, наверное, самое грустное, население Новочеркасска и самой Донской области было настроено враждебно.

Дон и Октябрьская революция

Большевики и их враги внимательно следили за тем, как казаки отреагировали на Октябрьскую революцию. Многие верили, что если и существует сила, способная защитить Временное правительство, то это казачьи войска, воюющие за русский престол на протяжении веков. Но, тем не менее, в тяжелые дни даже они не смогли противостоять большевикам. Правительство в Петрограде понимало, что казаки не могут сражаться одни, им нужна поддержка артиллерии и пехоты, которой было неоткуда взяться. К тому же пропаганда большевиков разлагала некоторую часть казаков, по-

этому офицеры не могли быть полностью уверены в их преданности. Совет Союза казачьих войск, самая мощная казачья организация, оказавшая когда-то поддержку Корнилову, был вынужден оставаться «нейтральным» во время восстания большевиков.

Тем не менее, многие возлагали большие надежды на казаков. Они верили, что если казаки не могут сражаться за закон и порядок на территории всей страны, то они, по крайней мере, будут защищать собственную землю. На своих землях они будут сохранять стабильность, а это, как рассуждали, даст антибольшевистской организации передышку и убежище, место для создания противодействующей силы. На самом деле они надеялись, что будущие белые предводители смогут сосредоточиться на казачьей земле Донского войска, чей атаман, генерал Каледин, был человеком консервативных убеждений.

И в самом деле, атаман Каледин не разочаровал своих друзей. Он не сомневался в своем отрицательном отношении к большевизму, но вскоре осознал, что он беспомощен, так как нет войск, на которые он мог бы рассчитывать.

27 октября, сразу после того, как получил новости о революции в Петрограде, он, как глава войскового правительства, пригласил членов Временного правительства в Новочеркасск, чтобы присоединиться к ним в организации антибольшевистского восстания. В своей телеграмме он дал им гарантии безопасности во время пребывания в Донской об-

ласти. Возможно, из-за этой телеграммы столица Дона была полна слухов о том, что приехал бывший председатель правительства Керенский. Эти слухи были ложными, так как Керенский решил не принимать гостеприимное приглашение своего бывшего политического врага Каледина. Приказ Каледина 31 октября также доказывает, что он переоценил свои силы. Он приказал 7-й казачьей дивизии занять Воронеж, что должно было стать первым шагом борьбы с большевизмом. Дивизия так и не вышла за пределы Донской области, так как казаки, попавшие под влияние солдат, только что вернувшихся с фронта, решили просто разойтись. После этого инцидента Каледин снизил уровень поставленной задачи до защиты только своего войска.

Область Войска Донского в 1918 г.

В Донской области, как и на территории всей России в это время, возвращающиеся с фронта массы солдат было очень сложно контролировать. Частично этой области просто не повезло: именно через ее территорию проходили части, возвращающиеся с Кавказского фронта. Так как железные дороги не справлялись с нагрузкой, многим вернувшимся солдатам приходилось ждать в Ростове или Новочеркасске, что способствовало распространению беспорядков. Казачьи полки с запада также вскоре должны были прибыть. Сначала Каледин очень обрадовался, что они были более

дисциплинированны, чем казаки, и он надеялся использовать их против большевиков. Эта надежда не сбылась, так как фронтовики не видели причин биться с большевиками, обещавшими скорое окончание войны. Каледин, покинувший фронт после Февральской революции, не понимал изменений, произошедших в сознании казаков. Прибытие каждого полка было очередным разочарованием для него, и он постепенно начал понимать, как много военной мощи ему не хватает.

Возвращение казачьих отрядов было на руку большевикам. Это не значит, что они были готовы воевать, но в своем большинстве они предпочитали Ленина Каледину. В декабре произошел очень интересный случай. Некий местный большевистский руководитель решил попробовать положить конец открытому сопротивлению правительства Новочеркасска и приказал 15-му пехотному полку 39-й дивизии, стоящему в Ставропольской губернии, двинуться на областную столицу. Каледин поручил защиту 35-му казачьему полку 8-й дивизии. Но казаки и солдаты отказались сражаться друг с другом. Они по соглашению расположились в нейтральной зоне, и ни одна сторона не выполняла приказы офицеров стрелять. Этот инцидент, конечно, иллюстрирует как несостоятельность большевиков, так и слабость правительства Новочеркасска.

В этой ситуации, когда солдаты отказывались сражаться, подразделения, выполняющие приказы, приобрели особую

ценность. Недисциплинированные, как, например, моряки Черного моря, они все же способствовали огромному росту сил большевиков. Красные подразделения, сформированные из рабочих и шахтеров Донской области, также сыграли очень важную роль, несмотря на свою неопытность.

Политическое значение шахтеров и рабочих не зависело от их численности. Причиной стало то, что только пролетариат взял в руки оружие, в то время как крестьянство – казаки и иногородние – оставались неподвижны. Рабочие трех самых крупных промышленных зон Дона (Ростов, Таганрог и Донецкий бассейн) ненавидели казачье правительство с Февральской революции. Шахтеры примкнули к большевикам. А среди рабочих Таганрога и Ростова меньшевики, ненавидящие Каледина почти так же, как и большевики, в октябре составляли большинство. После октябрьских событий влияние большевиков стало доминирующим. Затем выборы показали высокий рост представителей большевиков в Учредительном собрании, особенно среди рабочих. В Ростове партия большевиков набрала 25 569 голосов. За казаков проголосовало 14 248, за кадетов – 13 677, за социал-революционеров – 7565, а за меньшевиков – 4615.

В войсковом правительстве большинство голосов получили казачьи кандидаты (640 тысяч), но их победа была призрачной: иногородние распределили свои голоса на две группы: за социал-революционеров (480 тысяч) и за большевиков (250 тысяч), обе партии отрицательно относились к при-

вилегиям казаков. Если бы граница проходила между казаками и большевиками, то иногородние бесспорно присоединились бы к большевикам. В октябре 1917 года многие иногородние примкнули к большевикам, надеясь получить казачьи земли.

Каледин мог рассчитывать только на старых казаков, фронтовики были вооружены, но ему не подчинялись. Казачье правительство надеялось побороть режим Ленина, но вскоре стало ясно, что оно даже не в состоянии подавить местных революционеров.

Войско было фактически независимым с тех пор, как отказалось выдать Каледина Временному правительству. 20 ноября правительство формально объявило свою независимость до формирования нового законного правительства в России. Такое же решение было принято на третьем собрании Круга 15 декабря.

Вот в такой нестабильной и недружелюбной политической обстановке генерал Алексеев начал создание своей армии. Присутствие Алексеевской организации вскоре стало неизменным фактором местной политики, и офицеры также стали играть важную политическую роль, оказывая поддержку Каледину в его борьбе с большевиками и их союзниками.

Каледин разрешил приезжать офицерам и оставаться в госпитале в доме номер 39 на Барочной улице. Так как в этом госпитале не было пациентов, медицинский персонал делил с офицерами целое здание. Чтобы избежать трений с мест-

ным населением, Алексеев приказал своим последователям притвориться ранеными и больными и не покидать госпиталь без его разрешения. 17 ноября армия состояла из 40 человек. Эти 40 человек составляли первый офицерский эскадрон, и эта дата, 17 ноября, позже стала днем рождения Добровольческой армии. Официальное зачисление в армию, однако, началось лишь в конце месяца. Добровольцы записывались на четыре месяца, им не платили жалованье, обещали лишь питание.

Маленький отряд рос очень медленно, и к концу ноября составлял 300 человек. Создание организации было подвержено угрозе требования Каледина вывести ее с территории Дона в течение двух недель. Каледин, безусловно, разделял взгляды Алексеева, но находился под давлением своих казаков, которые думали, что большевики могут атаковать Донскую область, так как на ее территории нашли убежище их враги. Каледин предложил Алексееву Ставрополь и Камышин в качестве новых штабов. Но население этих городов было настроено еще враждебнее, и вряд ли малочисленной армии удалось бы выжить на неказацкой земле.

Алексеев, вместо того чтобы планировать вывод войск, продолжал заниматься организационной работой. Он обратился за помощью к генералу Щербачеву, командующему Румынским фронтом, который, возможно, по причине удаленности от главных промышленных центров России был хуже всех организован. Щербачев отказался помочь Белому

движению. Даже Рузский и Радко-Дмитриев, два других хорошо известных генерала мировой войны, проживающие на Северном Кавказе, отказались сотрудничать. Через сестру Нестерович Алексеев был на связи с бывшим военным министром Гучковым, считавшим развитие антибольшевистского движения в Сибири наиболее важным, но, несмотря на многочисленные обещания, данные Нестерович, он присылал лишь незначительные суммы.

Нехватка средств среди огромного количества проблем в наибольшей степени осложняла ситуацию. Несмотря на прекрасные контакты с московскими и петроградскими богачами, в первые месяцы формирования армии он получил лишь несколько тысяч рублей. Офицеры жили в бедности. Полковник жаловался Нестерович, что офицеры приходят к нему с просьбой дать хотя бы пятьдесят копеек на папиросы, а он даже не в состоянии помочь им.

Очень сильным было разочарование, когда в конце месяца армия насчитывала лишь 300 человек. Каледин не мог навести порядок в своих войсках и был вынужден обратиться за помощью к Алексееву. Офицеры-добровольцы выполняли роль полицейских. Они делились на маленькие отряды под командованием казачьих офицеров и выполняли задание, сталкиваясь с большими сложностями. На железнодорожных станциях они сдерживали солдат, требующих поездов нужного им направления, в станицах добровольцы защищали население от голодных дезертиров, пытающихся взять

еду силой. За это правительство Дона платило офицерам и, что, возможно, более важно, вооружало их.

Армия была плохо экипирована: в начале декабря, когда армия уже насчитывала около 600 офицеров, имелось лишь 100 винтовок, а пулеметов не было вообще. Каледин был бы рад помочь, но не мог, так как все склады контролировались военными комитетами, враждебно настроенными к белым. Добровольцы получали винтовки и другую амуницию, в основном разоружая дезорганизованные отряды.

Эти отряды были опасны для всех: и для Добровольческой армии, и для атамана Каледина. Объявление атамана о независимости было равносильно объявлению войны большевикам, и это привело к агрессивным действиям с обеих сторон. Первый ответный удар пришел со стороны шахтеров Макеевки, которые устроили забастовку, когда Каледин объявил Дон Советской республикой. Само по себе это не имело важного политического значения, но возникли сложности, когда началась забастовка: добыча угля снизилась настолько, что его не хватало даже для нужд самой Донской области.

1 декабря 272-й пехотный полк (неказачий) принял решение отказать в признании руководства донского правительства. Так как он располагался в Новочеркасске, последовал немедленный ответный удар. Два дня спустя Каледин обезоружил бунтующих при помощи алексеевских офицеров. Очень характерной чертой создавшейся ситуации было то, что этот полк позволил обезоружить и распустить себя

без сопротивления и единого выстрела. Это событие имело важные последствия, касающиеся будущего добровольцев. Атаман осознал, что зависит от Алексеевской организации, и позволил остаться офицерам на территории Донской области сверх двухнедельного оговоренного срока.

Новость о том, что большевики послали отряд Красной гвардии, чтобы занять область, создала ощущение кризиса в Новочеркасске. В условиях угрозы внешней атаки и внутренних беспорядков 5 декабря Каледин объявил военное положение. В своем манифесте Каледин особо обращался к рабочим, обещая, что их Советы не будут тронуты, если они не будут вмешиваться в происходящее, не касающееся их лично. Этот же манифест также обещал, что казачьи войска не будут пересекать границы Донской области.

Большевики вели приготовления к сражению. В ноябре, при участии социал-революционеров и меньшевиков, они создали Военно-революционный комитет в Ростове. Большевистский Центральный комитет Ростова – Нахичевани послал к черноморским морякам в Севастополь делегацию, попросив их оказать им помощь в борьбе против Каледина. Как обычно, большевики могли рассчитывать на моряков. Корабли причалили в Ростове, и организация черноморских моряков послала телеграмму в Новочеркассск, требуя отменить военное положение в Ростове. В своей телеграмме матросы обвинили Каледина в том, что он прижимает крестьян (особенно иногородних), преследует шахте-

ров и поэтому не поставляет достаточно угля и продовольствия для России. Ростовский Военно-революционный комитет, вдохновленный поддержкой моряков, рассчитывая на помощь местных большевистских отрядов и батальонов рабочих, 9 декабря решил не признавать руководство войскового правительства. Это было восстание. Небольшевистские члены комитета были не согласны с таким решением и покинули его. Генерал Потоцкий, командующий небольшевистским городским батальоном, хотел распустить весь комитет, но оказался не в силах сделать это. Его казаки, не желающие сражаться, сложили оружие и бежали в Новочеркасск. Потоцкий был заключен в тюрьму с другими командирами его батальона. Большевики контролировали город в течение пяти дней.

Тем не менее, военное положение Каледина было сложным; после бесполезных переговоров с Военно-революционным комитетом он решил взять Ростов. Наступление, которое началось 9 декабря, может считаться неофициальным началом Гражданской войны. Это случилось в День святого Георгия, покровителя России, и многие считали это важным совпадением.

Первое сражение пошло по старому сценарию: Каледин обратился к казакам, и они отказались подчиниться. Затем Каледин обратился за помощью к Алексеевской организации. Алексеев отдал всех своих офицеров в его распоряжение: 400–500 офицеров отправились из Новочеркасска в Ро-

стов сражаться с большевиками. Количественно они уступали красным, тем не менее офицеры перехватили инициативу и выиграли. Победа была достигнута благодаря решительности и военным способностям. Успех белых офицеров вдохновил некоторые казачьи войска, участвовавшие во второй части операции, но главная заслуга принадлежит офицерам Алексеева. Соппротивление большевиков закончилось 15 декабря, наиболее заметные лидеры большевиков бежали, солдаты вернулись в свои бараки, а красногвардейцы вновь стали мирными гражданами.

Каледин вошел в Ростов 15 декабря. Основные силы он потратил на восстановление мира, а не на искоренение большевизма. Он потребовал от рабочих сдачи оружия, и большинство подчинилось. Часть населения даже называла его освободителем. Каледин тем не менее не считал себя победителем:

«Мне не нужны аплодисменты. Я не герой, и мой приезд не праздник. Я приехал в ваш город не как счастливый завоеватель. Была пролита кровь, и нам нечего радоваться. У меня нелегко на сердце. Я выполнил свой гражданский долг, и мне не нужны аплодисменты».

Победа в Ростове продлила жизнь казачьему правительству. Атаман получил признание, и это было подходящее время для новых реформ.

На заседании Круга самой важной темой было уравнивание статуса иногородних в правительстве с казачьим. Так как Донская область являлась интегральной частью России, казачьи органы самоуправления рассматривались как агентство только по решению казачьих проблем. Продолжение такой политики после объявления независимости можно было бы назвать диктатурой одной части населения над другой. Влияние большевиков на неказацкое население было достаточно сильным, и, так как их представителей не было в правительстве, было трудно их контролировать.

Генерал от кавалерии Алексей Каледин

Этот вопрос очень жарко обсуждался. Самым убежден-

ным борцом за равенство был казачий социалист П. М. Агеев, его поддерживал С. Г. Елатонцев, член правительства. Фронтвики разделяли убеждения Агеева, но только по одной причине. Они верили, что благодаря этому можно достичь мира. Большинство представителей оппозиции были из Черкасской области, самой богатой на Дону, где казачьи земельные участки были самыми крупными. Богатые казаки боялись, что если иногородние займут места в правительстве, то земельная реформа урежет их права.

Атаман, вернувшись из Ростова, обратился к Кругу. Его престиж был очень высок. Он выражал свое мнение о равенстве довольно решительно и настаивал на том, чтобы иногородние заняли места в правительстве.

Круг решил:

- 1) отдать всю власть правительству войска до тех пор, пока не будет сформировано законное правительство России;
- 2) отдать половину постов (восемь) в правительстве представителям неказацкого населения;
- 3) созвать Учредительное собрание 11 января.

Рождение Добровольческой армии

Победив большевиков в Ростове, их главном опорном пункте Донской области, армия Алексеева спаслась от неминуемой опасности. Она также заслужила признательность казачьего правительства, по крайней мере, оно стало относиться к Алексееву как к защитнику Дона. Тем не менее, создание армии оставалось трудно осуществимым по трем причинам. Во-первых, у Алексеева было слишком мало добровольцев и недостаточно средств. Во-вторых, тяжелый ближний бой ослабил Алексеевскую организацию. В-третьих, несмотря на тот факт, что армия спасла Дон от большевиков, местное население было все еще враждебно к ней настроено.

С середины декабря до середины января в среднем 75–80 добровольцев в день прибывало в Донскую область. К концу этого периода Добровольческая армия состояла из 3 тысяч человек – небольшое количество, если учесть, что российская армия насчитывала несколько сотен тысяч офицеров в конце мировой войны.

Такая реакция большинства офицеров стала горьким разочарованием для лидеров Белого движения, и кое-что они даже не могли объяснить в своих мемуарах. Пожалуй, наиболее частое объяснение, найденное в мемуарах, было то, что путешествие в Донскую область было очень опасным, и

офицеры, готовые прийти на помощь, просто не могли добраться до Новочеркасска. Это объяснение не очень убедительное. Если даже некоторые хорошо известные генералы смогли приехать, иногда даже не пытаясь скрыть свое происхождение, то средний офицер наверняка бы смог сделать то же самое. Факт, что не было зафиксировано ни единого случая, что известный военный руководитель был арестован только потому, что его подозревали в желании присоединиться к генералу Алексееву. Контроль большевиков был слаб даже в столицах, и красные не смогли бы остановить поток офицеров, даже если бы подозревали, какая им угрожает опасность. Большевики освободили генерала Краснова, который вел армию против Петрограда, после недолгого заключения, и не было смысла препятствовать и другим офицерам. Это не значит, что Ленин и Троцкий были слишком самоуверенными, они просто не знали, с какой стороны ждать опасности.

Мы не должны забывать, что большое число офицеров, живущих в Донской и Кубанской областях, также не захотели вступить в Добровольческую армию. История набора в армию в ростовском бюро прекрасно иллюстрирует эту ситуацию. Бюро выросло из отряда организованного офицерами, проживающими в Ростове, во время недолгого правления большевиков в декабре. После поражения красных около двух сотен офицеров объединились вместе и выбрали генерала Черепова главой офицерского собрания, чтобы ко-

ординировать его работу с казачьим правительством. Благодаря пониманию между Алексеевым и Калединым организация Черепова была предоставлена Алексееву. Таким образом, организация в Ростове становилась частью Алексеевской организации, и в городе открылось Бюро записи добровольцев. Так как большинство из отряда Черепова было заинтересовано лишь в местной победе, в это время многие покинули его.

Набор в армию в Ростове шел очень медленно. Бюро набрало меньше добровольцев, чем было количество покинувших отряд Черепова, когда он стал частью Алексеевской организации. Руководители армии в Новочеркасске планировали сформировать Ростовский офицерский полк, но добровольцев для этого едва ли было достаточно, поэтому была создана Ростовская офицерская рота. Когда Добровольческая армия начала Кубанский поход, лишь одна треть от 200 человек Ростовской офицерской роты последовала за ней.

Зачисление в армию во втором по величине городе Дона, Таганроге, шло еще более медленно. Там проживало около сотни офицеров, но за месяц работы бюро записалось в армию лишь 50. В Донской и Кубанской областях, а также в Минеральных Водах на Северном Кавказе проживали тысячи офицеров, но Алексеев напрасно взывал к ним. Он дважды ездил в Екатеринодар, но безуспешно.

Объясняя неудачи добровольной мобилизации, Деникин ссылаясь на тот факт, что правительство Дона, охраняя авто-

номию, не разрешило Алексееву и Корнилову объявить призыв в армию. Деникин, наверное, забыл тот факт, что Корнилов, игнорируя просьбы донского правительства, издал такой приказ 11 января 1918 года. Хотя если бы Корнилов издал этот указ месяцем раньше, то ситуация могла сложиться совсем по-другому.

Некоторые историки считают, что тогда и позже офицеры не присоединились к Добровольческой армии, так как лидеры Белого движения не предложили позитивной идеологии. Утверждение, касающееся людской мотивации, кажется очень реалистичным, так как, возможно, продуманная программа увеличила бы число желающих вступить в армию. Но даже в перспективном будущем невозможно себе представить, что бы это была за программа. Некоторые, например лидеры армии, считали, что политическая программа ослабит армию, а консервативная, напротив, многих отпугнет.

Призыв Алексеева и Корнилова оставался без ответа по тому же ряду причин, по которому казаки отказались воевать на стороне большевиков. После месяцев сплошных политических переворотов русские офицеры все еще хотели мира любой ценой. Добровольческая армия, тем не менее, требовала продолжения войны с Германией, а как предварительное условие – разгрома большевистского режима. В нежелании продолжать войну с иностранным врагом обе стороны – офицеры и рядовые – сходились во мнениях. Возможно, набор рекрутов шел бы быстрее, если бы Корнилов и

Алексеев понял, что Россия уже не сможет занять свое место в мировой войне и что лучше сконцентрировать все силы на борьбе с большевиками. Но просить генералов отказаться от войны с иностранным врагом было бы равносильно просить их не быть самими собой. Алексеев и Корнилов считали большевиков немецкими агентами, и для них не было смысла бороться лишь против агентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.